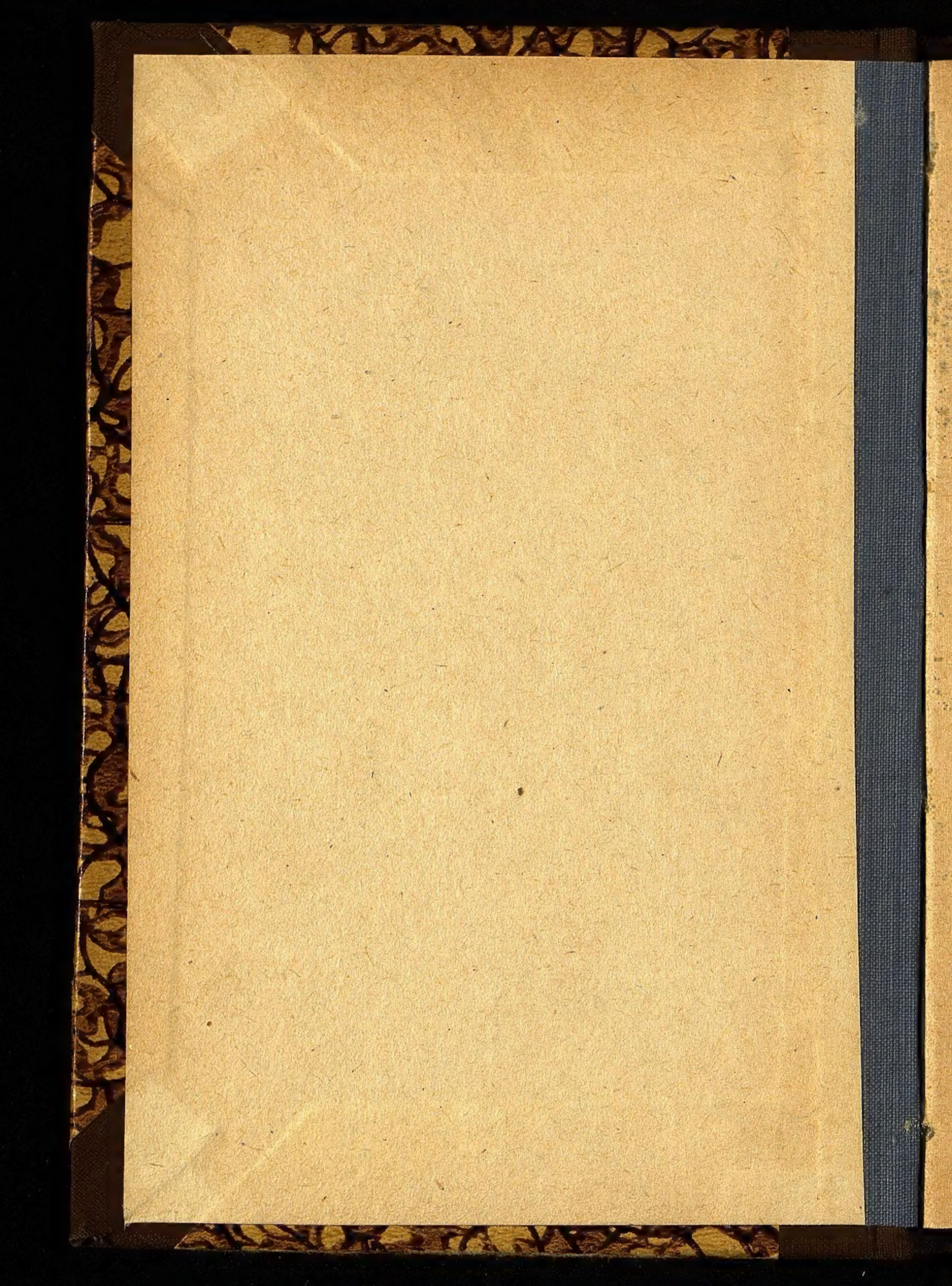
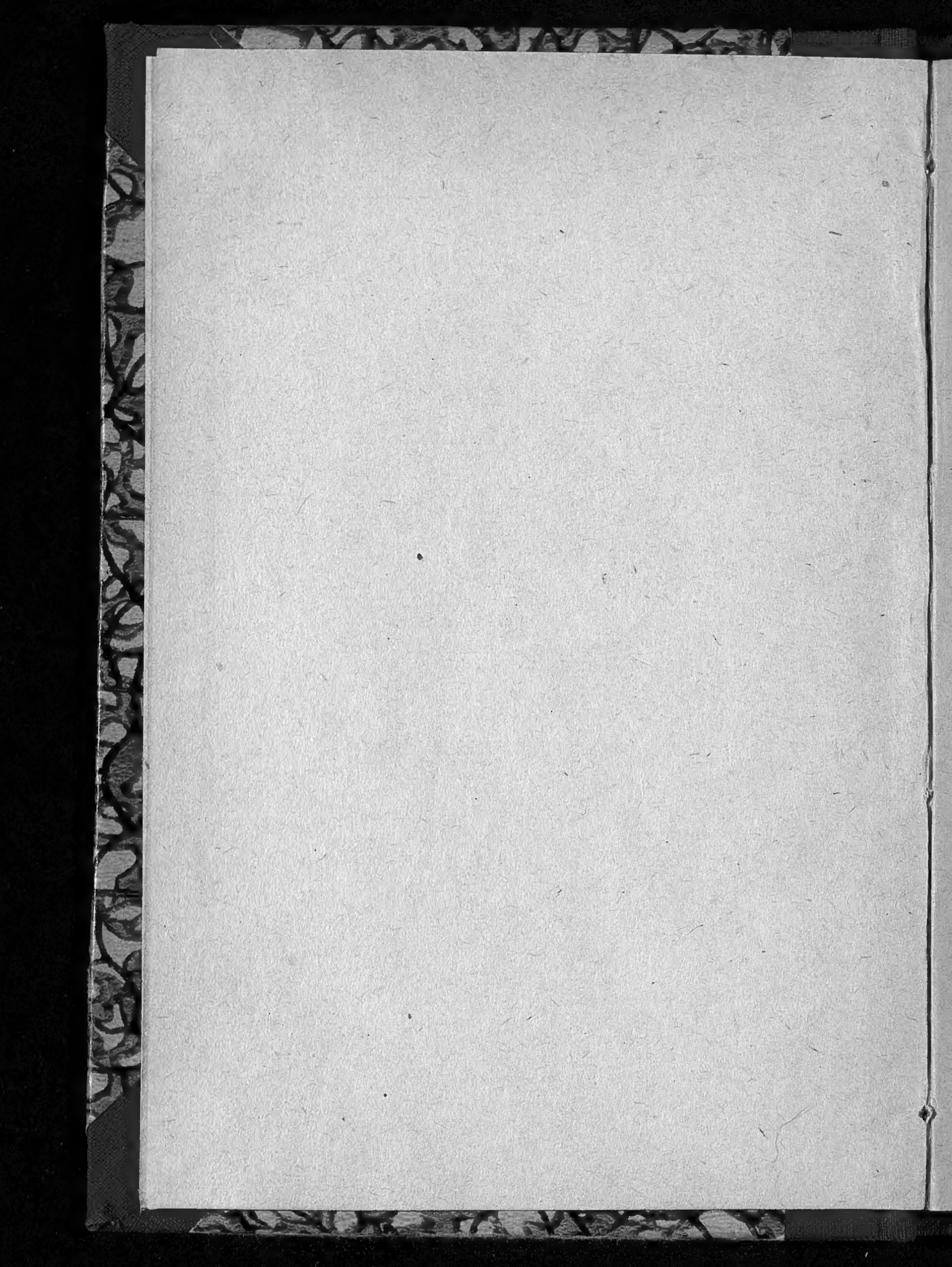

K35 6/25

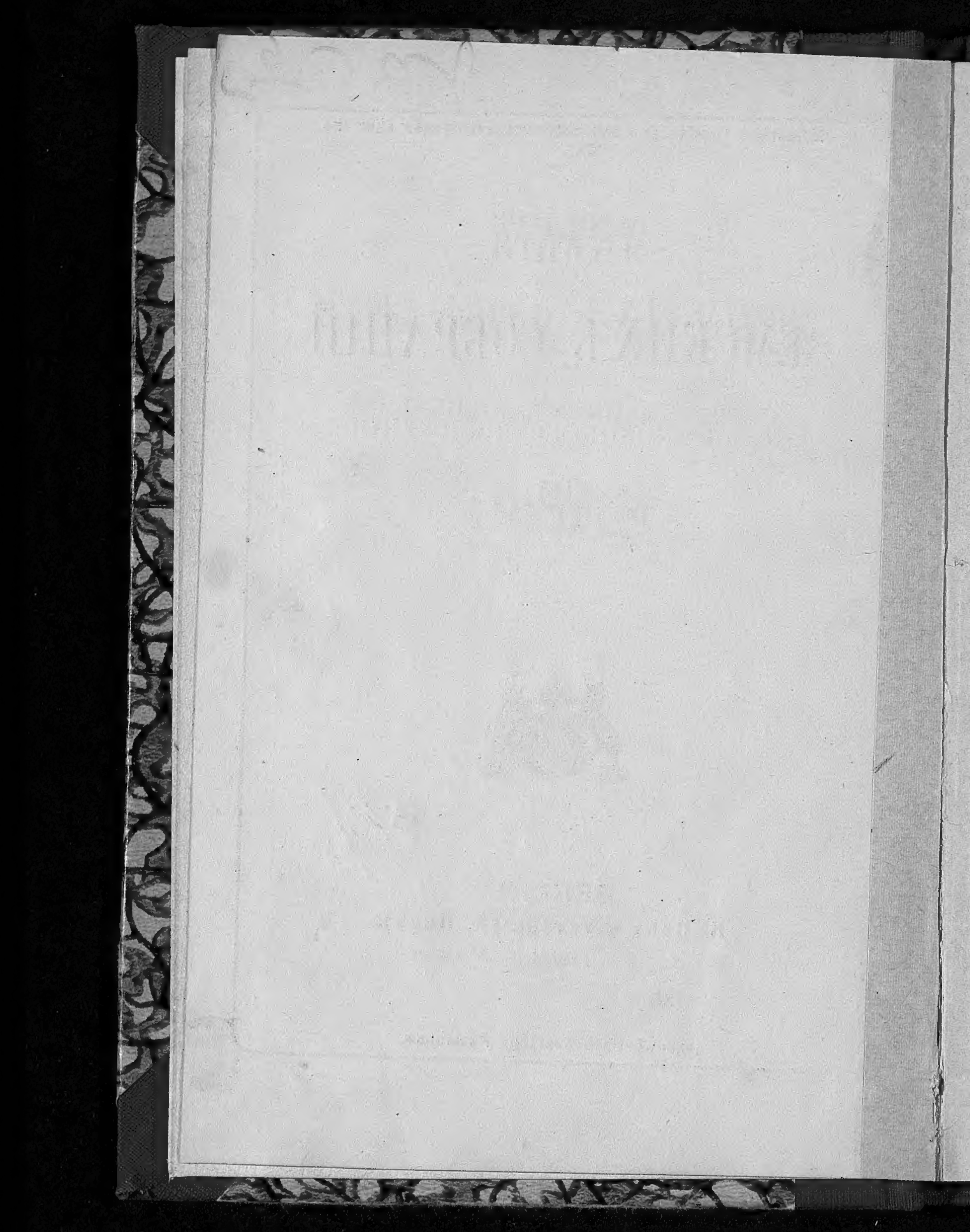
Meinungen russischer Landschaftsversammlungen über die

МНѢНІЯ
ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ
О СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ
РОССІИ.

BERLIN.
B. Behr's Verlag (E. Bock).
1883.

gegenwärtigen Zustände Russlands.

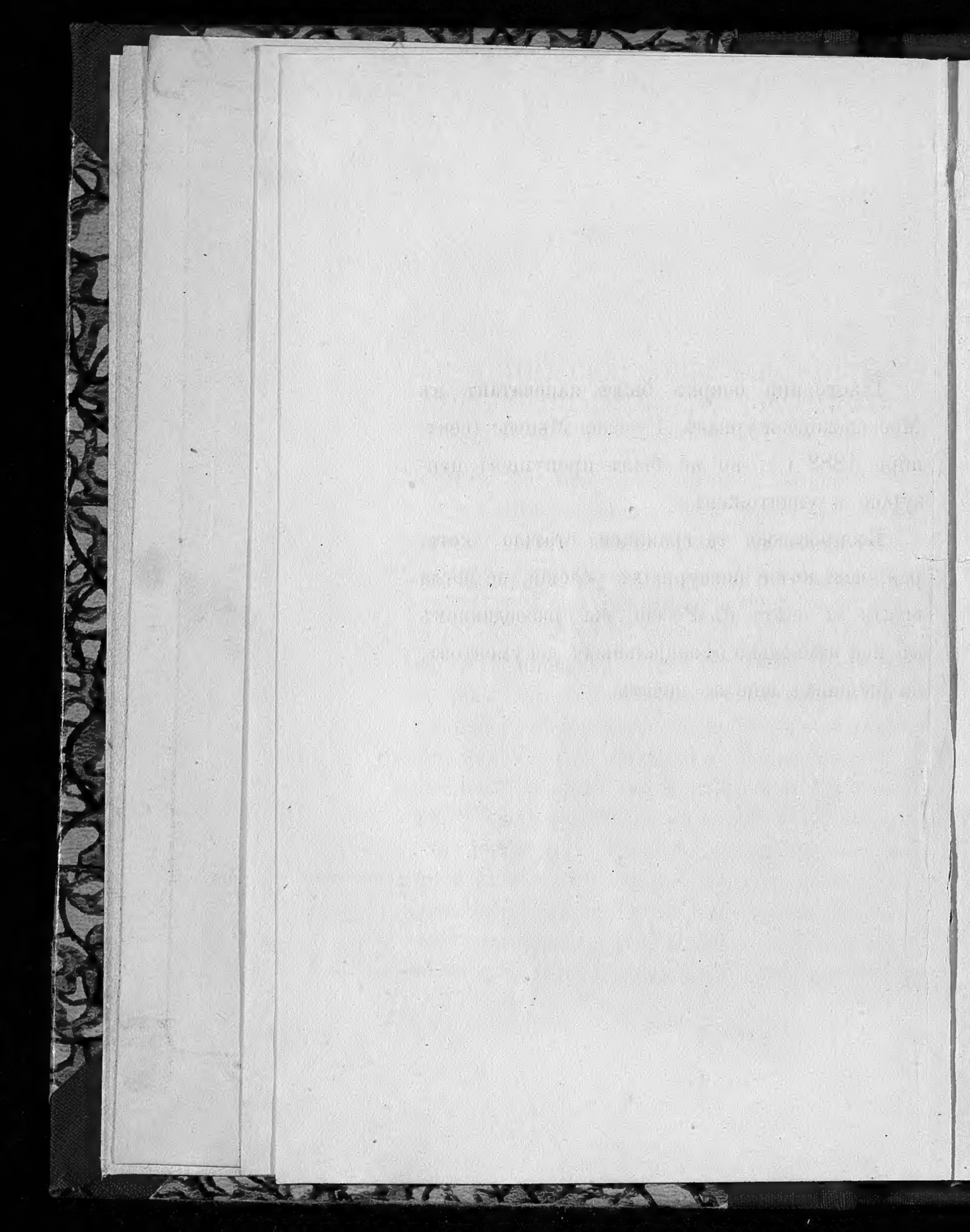
МНѢНІЯ
ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ
О СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ
РОССІИ.

BERLIN.
B. Behr's Verlag (E. Bock).
1883.

Настоящій очеркъ былъ напечатанъ въ Московскомъ журналѣ „Русская Мысль“ (сентябрь 1882 г.); но не былъ пропущенъ цензурою и уничтоженъ.

Воспроизводя за-границей статью, которая, вслѣдствіе цензурныхъ условій, не могла выдти въ свѣтъ въ Россіи, мы присоединяемъ къ ней нѣсколько оффиціальныхъ документовъ, не бывшихъ еще въ печати.

МНѢНІЯ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ О НАШЕМЪ СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Никогда, кажется, интересъ къ дѣятельности органовъ общественнаго управленія не ослабѣвалъ въ такой степени, какъ теперь; никогда недовольство этою дѣятельностью не достигало такихъ размѣровъ, какъ въ послѣдніе мѣсяцы.[1] Русское общество какъ будто утратило вѣру въ тѣ учрежденія, которыя одни служатъ его представителями, одни находятся подъ его непосредственнымъ вліяніемъ. Ненормальность положенія этихъ учрежденій сознается всѣми; со всѣхъ сторонъ слышатся предложенія объ ихъ преобразованіи. Среди самихъ земскихъ дѣятелей утратилась вѣра въ возможность создать что-либо полезное при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Сознаніе неудовлетворительности положенія и настоятельной необходимости пе-

---

[1]) Писано въ августѣ 1882 г.

ремѣны вызвало апатію, и въ послѣднее время земская дѣятельность заглохла, а мѣстами какъ бы совсѣмъ упразднилась. Собранія, не состоявшіяся или разошедшіяся до окончанія своихъ занятій, въ концѣ прошедшаго (1881) года не были рѣдкостью: такъ, напр., губернскія собранія черниговское и полтавское, созванныя въ октябрѣ, закрылись, не окончивъ своихъ занятій, по случаю разъѣзда гласныхъ; харьковское, созванное на 3 декабря, открылось только 5; воронежское въ теченіе почти цѣлой недѣли не могло открыть своихъ засѣданій; екатеринославское и симбирское не были открыты въ назначенный день за недостаткомъ гласныхъ, несмотря на то, что законная треть состава послѣднихъ живетъ, по словамъ *Страны*, въ городѣ; рязанское и саратовское, открытыя въ назначенный день, не состоялись на другой день по открытіи; остальныя собранія открылись въ составѣ, не превышающемъ требуемую закономъ треть гласныхъ; наконецъ, въ чрезвычайное черниговское губернское собраніе, въ февралѣ нынѣшняго года, съѣхалось всего 20 гласныхъ, которые, послѣ трехдневнаго ожиданія, должны были признать собраніе несостоявшимся и разъѣхаться.

Такая повальная неисправность земскихъ

дѣятелей вызвала со стороны нѣкоторыхъ собраній различныя мѣры. Новгородское губернское собраніе, напр., рѣшило послать всѣмъ неприбывшимъ гласнымъ телеграммы, съ извѣщеніемъ, что „въ настоящее время въ собраніе прибыли только 19 гласныхъ, и, независимо отъ этого, обратить вниманіе уѣздныхъ земскихъ собраній на избраніе такихъ гласныхъ, которые прибывали бы въ засѣданія.“ На этотъ призывъ откликнулся одинъ управляющій государственными имуществами, который поспѣшилъ увѣдомить предсѣдателя собранія, что, за невозможностію ежедневно являться въ засѣданія, онъ „откомандировалъ, взамѣнъ себя, чиновника особыхъ порученій, г. Верцинскаго, которому приказалъ явиться въ собраніе въ 12 часовъ и состоять въ немъ, пока составъ собранія не увеличится.“

Несмотря на видимый застой въ земскомъ дѣлѣ, несмотря на безучастное отношеніе къ нему и общества, и самихъ земскихъ дѣятелей, изученіе дѣятельности земскихъ учрежденій и въ настоящемъ ея періодѣ представляетъ не мало поучительнаго. И теперь, при общей скукѣ, въ земскихъ собраніяхъ часто возбуждаются важные вопросы, въ нихъ высказывается много живыхъ мыслей, а происходящія въ нихъ пренія даютъ возможность знако-

миться съ мнѣніемъ если не всего мѣстнаго общества, то его руководящихъ классовъ. Особенно интересны сессіи собраній за два послѣдніе года. Въ этотъ промежутокъ времени судьба земскихъ учрежденій испытала не мало превратностей; подъ вліяніемъ событій, настроеніе земскихъ представителей не разъ мѣнялось: свѣтлыя надежды уступали мѣсто разочарованію. Съ другой стороны, именно въ это время на долю земскихъ собраній выпала разработка самыхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ — объ улучшеніи экономическаго положенія крестьянскаго населенія и о переустройствѣ мѣстнаго управленія. Возбужденіе послѣдняго вопроса дало земскимъ дѣятелямъ поводъ оглянуться назадъ, подвергнуть оцѣнкѣ свою прошлую дѣятельность, привести въ ясность недостатокъ самихъ земскихъ учрежденій. Чрезвычайныя событія государственной жизни, ознаменовавшія этотъ періодъ времени, заставили наши общественныя учрежденія вникнуть въ условія нашего современнаго положенія и сказать свое слово о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ привести къ его улучшенію.

Апатія въ земской средѣ, въ такой рѣзкой формѣ выразившаяся въ концѣ прошлаго года, обусловливается сознаніемъ полной ненормальности современнаго положенія земскихъ учрежденій и всего нашего экономическаго и государственнаго строя. Многіе земскіе дѣятели, наученные опытомъ, пришли къ убѣжденію, что земство, при нынѣшнихъ условіяхъ, совершенно безсильно въ борьбѣ съ различными неблагопріятными явленіями, встрѣчаемыми имъ на своемъ пути, что всѣ усилія его остаются безплодными. „Земство, — говоритъ харьковскій гласный Е. С. Гордѣенко въ представленной имъ въ 1880 г. въ харьковское губернское собраніе запискѣ, — не могло установить порядка на прочныхъ основаніяхъ, какъ будто бы оно нашло подъ собою болотную почву.“ Вотъ какъ описываетъ почтенный гласный положеніе харьковскаго земства. Еще въ 1877 г. земскому собранію предъявлена была записка о нуждахъ и недостаткахъ земства; „въ ней означено, въ главныхъ чертахъ, положеніе сельскаго хозяйства, матеріальныя и нравственныя силы земства, его права и ходатайства, служеніе его государственнымъ пользамъ.“ Записка не была напечатана по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ губернской управы, но тогда же земское собраніе

постановило возбудить нѣсколько ходатайствъ передъ правительствомъ, касавшихся, главнымъ образомъ, нуждъ сельскаго хозяйства. Ходатайства эти не получили удовлетворенія. „Преслѣдуя то же дѣло, земское собраніе созыва 1878 года сдѣлало вновь представленіе высшему правительству, въ которомъ объяснило, что положеніе сельскаго хозяйства ухудшается, земледѣльцы теряютъ довѣріе къ своему промыслу, въ народѣ развивается пьянство и празднества, продажа имѣній производится въ обширныхъ размѣрахъ; собраніе заявляло о тяжкихъ налогахъ, объ истребленіи хлѣба паразитами, гніеніи его на платформахъ желѣзныхъ дорогъ; высказаны также опасенія за будущность сельскаго хозяйства и послѣдствія обнищанія народа, и въ заключеніе собраніе ходатайствовало предъ министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ о назначеніи правительственной коммиссіи для изслѣдованія экономическаго состоянія Херсонской губерніи, съ приглашеніемъ земскихъ представителей къ участію въ ея трудахъ. Отвѣта на это ходатайство не послѣдовало, если не считать отвѣтомъ состоявшійся въ Харьковѣ въ октябрѣ 1880 года областной съѣздъ, который имѣетъ совсѣмъ иное значеніе.“ Прошло два года. „Съ того времени положеніе земства и

его хозяйства нисколько не улучшилось; напротивъ, оно сдѣлалось болѣе критическимъ: паразиты усилились; кромѣ жучковъ и овражковъ, которые здѣсь сдѣлались осѣдлыми, туземными, къ нимъ присоединились еще новыя породы паразитовъ: гессенская муха, пильщики, коники, черви, саранча и множество другихъ, такъ что каждый родъ хлѣба имѣетъ своего врага. Это появленіе паризитовъ, въ связи съ общими неблагопріятными экономическими условіями, съ обѣднѣніемъ народа, привело къ тому положенію, которое теперь выразилось въ видѣ голода, со всѣми дальнѣйшими послѣдствіями. Къ этому бѣдствію, и независимо отъ него, присоединилось новое — дифтеритъ, отъ котораго вымираетъ дѣтское населеніе въ деревняхъ, будущіе земледѣльцы. Злая судьба не щадитъ и домашнихъ животныхъ: чума и падежи похитили рабочій скотъ; отсюда является дороговизна мяса и недостатокъ средствъ къ обработкѣ и удобренію полей. Земство должно вести борьбу за свое существованіе; оно изнемогаетъ въ этой борьбѣ, на которую осуждено оно природой и судьбой.“

Прошелъ еще годъ и въ декабрѣ 1881 г. харьковскому собранію пришлось выслушать описаніе экономическаго положенія губерніи, тождественное съ представленнымъ Е. С. Гор-

дѣенко, уже изъ устъ представителя администраціи — мѣстнаго губернатора. „Результатъ умолота, — заявилъ П. А. Грессеръ при открытіи губернскаго собранія, — далеко не оправдываетъ надеждъ и возвратъ занятаго хлѣба оказался очень затруднительнымъ. Нельзя также не опасаться за будущій 1882 г., въ которомъ мы должны ожидать появленія жука, давшаго намъ отдыхъ въ этомъ году. Рядомъ съ этимъ, посѣвы озимыхъ хлѣбовъ произведены при самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ. Многіе хозяева, въ особенности крестьяне, не успѣли обсѣменить полей озиминою и не подняли полей подъ будущій яровой посѣвъ... Еще одинъ бичъ народнаго хозяйства — чума на рогатомъ скотѣ — распространяется почти по всей губерніи. По собраннымъ свѣдѣніямъ, далеко не полнымъ, заболѣло до 8.000, пало до 5.000 штукъ.“ Начальникъ губерніи выразилъ надежду, что „земство, въ лицѣ своихъ представителей, много разъ своими разумными мѣрами являвшееся на помощь населенію въ подобныхъ невзгодахъ, и въ этомъ случаѣ не откажется и совѣтомъ, и дѣломъ принести посильную помощь сельскому хозяйству.“[1]) Однако, какъ показалъ

[1]) „Журн. XVII очер. губ. зем. собр. Харьковской губ.“

опытъ, серьезной помощи населенію земскія учрежденія оказать не въ силахъ. „Кажется, — говоритъ Е. С. Гордѣенко, — земство сдѣлало все, что могло сдѣлать. Оно старалось приспособиться къ новой реформѣ, установить новый порядокъ на прочныхъ основаніяхъ; оно заботилось о народномъ образованіи и здравіи, учреждало сельско-хозяйственныя общества, банки и выставки, составляло проекты о лѣсоразведеніи, объ улучшеніи рабочаго скота и лошадей, принимало мѣры противъ распространенія чумы, пожаровъ, мѣры для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ и животныхъ, возбуждало многочисленныя ходатайства. Земству помогала печать. Въ 15 лѣтъ своей дѣятельности земство, повидимому, достигло противоположныхъ результатовъ: земли на югѣ Россіи большею частію истощены, порода лошадей и скота вырождается, рабочій скотъ сдѣлался безсильнымъ для обработки земли, конокрадство усилилось, лѣса истреблены, появились паразиты, открылись желѣзнодорожныя и разныя другія язвы...“

Какъ ни мрачна картина, нарисованная г. Гордѣенко, однако она не встрѣтила ни возраженій, ни поправокъ: собраніе, въ числѣ 53 человѣкъ, постановило присоединить записку къ ходатайству земства объ отпускѣ 500 тыс.

рублей на обезпеченіе народнаго продовольствія.[1])

Продовольственный вопросъ, въ послѣднее время, вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ и небывалой дороговизны, получившій особенно важное значеніе, наглядно обнаружилъ безсиліе земства, какъ учрежденія исключительно мѣстнаго. Въ большей части губерній продовольственные запасы совершенно истощены; нужда съ каждымъ годомъ дѣлается все болѣе и болѣе ощутительной; съ каждымъ годомъ все болѣе накапливается доказательствъ, что эта нужда вызывается не временными, случайными обстоятельствами, а является результатомъ общаго экономическаго разстройства, для устраненія котораго нужны не мѣстныя, а общегосударственныя мѣры. Коммиссія новгородскаго земскаго собранія, по разсмотрѣніи доклада по продовольствію, пришла къ убѣжденію, съ которымъ согласилось и собраніе, что „удовлетворительное разрѣшеніе продовольственнаго вопроса, являющагося результатомъ многихъ неблагопріятныхъ условій для экономическаго быта, можетъ послѣдовать только на почвѣ общегосударственныхъ мѣро-

---

[1]) „Журн. XVI очер. губ. земск. собранія Харьковской губ.“, стр. 352. — Записка г. Гордѣенко, стр. 372.

пріятій, относительно которыхъ земство не имѣетъ возможности высказаться при настоящихъ условіяхъ дѣятельности земскихъ учрежденій."[1]) Къ тому же убѣжденію пришла и продовольственная коммиссія самарскаго земства. Разсмотрѣвъ причины экономическаго упадка быта крестьянскаго населенія, коммиссія нашла, что „частныя условія стушевываются предъ значеніемъ главныхъ бытовыхъ сторонъ", которыя „всѣ такого свойства, что исключаютъ для земства возможность принятія какихъ-либо мѣръ для устраненія ихъ вреднаго воздѣйствія на народную жизнь." „Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, — спрашиваетъ коммиссія, — образцовая и идеально-справедливая раскладка десятковъ, или, много, сотенъ тысячъ земскихъ сборовъ предъ милліонами государственнаго налога? Чѣмъ поможетъ земство населенію, получившему такъ-называемый нищенскій надѣлъ? Какъ организовать земству кредитъ для народа и дать послѣднему возможность хотя бы самаго элементарнаго образованія, когда жизнь населенія сплошныхъ уѣздовъ нерѣдко подвергается опасности отъ недостатка средствъ существованія? Что пользы

[1]) „Сборн. постановленій земскихъ собраній Новгородской губ. за 1880 г.", стр. 38.

въ самомъ участіи крестьянскаго населенія въ заботахъ о его нуждахъ, когда, въ силу недостатковъ, коренящихся въ основахъ его самоуправленія, его общественными представителями являются часто люди, преслѣдующіе интересы, совершенно противоположные народнымъ интересамъ? Какая, наконецъ, практическая польза отъ самихъ изслѣдованій нашими общественными учрежденіями народныхъ нуждъ, когда, въ силу полной разобщенности этихъ учрежденій, ихъ изслѣдованія не могутъ получать надлежащаго государственнаго обобщенія, а слѣдовательно — и настоящей силы въ глазахъ правительства?... Отсюда представляется возможнымъ сдѣлать одинъ только выводъ, — что если признать неотложной задачей переживаемаго нами момента народной жизни въ томъ, чтобы остановить послѣдовательный упадокъ нашего народнаго хозяйства и вывести его на путь правильнаго экономическаго развитія, то средствами къ тому могутъ служить только широкія государственныя мѣры и реформы по всѣмъ намѣченнымъ выше сторонамъ народной жизни.“ [1])

При такомъ сознаніи своего безсилія, при

---

[1]) „Постановл. XVI очер. самарск. губ. земск. собр. 1880 г.“, стр. 486. Приведенная часть доклада не была допущена къ обсужденію предсѣдателемъ собранія.

безуспѣшности относившихся до народныхъ нуждъ земскихъ заявленій, земскимъ людямъ не мудрено было впасть въ апатію, опустить руки, тѣмъ болѣе, что дѣлавшіяся ими попытки выйти изъ тяжелаго положенія нерѣдко встрѣчали противодѣйствіе со стороны администраціи. Такъ, наприм., на ходатайство харьковскаго земства объ учрежденіи особой, по избранію земства, коммиссіи для изслѣдованія причинъ бѣдственнаго экономическаго положенія Харьковской губ. и для изысканія способовъ къ его улучшенію послѣдовалъ отвѣтъ, что „комитетъ министровъ принялъ въ соображеніе, что изслѣдованіе причинъ разстройства экономическаго положенія извѣстной мѣстности и изысканіе способовъ къ улучшенію онаго принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства правительственныхъ учрежденій (?) и что для упомянутой цѣли были учреждаемы уже правительствомъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ или уѣздахъ особыя правительственныя коммиссіи. Имѣя въ виду, что образованіе подобной коммиссіи для обслѣдованія экономическаго состоянія собственно Харьковской губ. можетъ послѣдовать не иначе, какъ по соглашенію на то министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, комитетъ призналъ, что ходатайство по сему предмету харьковскаго земства подлежитъ от-

кло́ненію."[1]) Если за земствомъ не признавалось права даже на изслѣдованіе причинъ экономическаго упадка той мѣстности, въ предѣлахъ которой оно дѣйствуетъ; если не имѣли успѣха такія заявленія, какъ заявленіе харьковскаго земства о бѣдственномъ положеніи цѣлой губерніи; если земству безпрестанно было оказываемо недовѣріе, — то живаго интереса къ дѣлу со стороны земскихъ дѣятелей быть не могло. Наше общество очень часто упрекаютъ въ томъ, что оно не хочетъ заниматься дѣломъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые ему указаны, что оно предается лишь мечтаніямъ о расширеніи правъ и о политической дѣятельности. Но упрекъ этотъ нельзя признать справедливымъ, если принять въ соображеніе, что значительная часть мѣстныхъ дѣлъ, которыя земству предоставлены, находятся въ тѣсной связи съ мѣрами общегосударственными, что на ходъ земскаго дѣла неминуемо оказываетъ вліяніе общій строй государственной жизни. По справедливому замѣчанію новгородскаго губернскаго гласнаго Н. Н. Нечаева, „болѣе всего общій строй нашей жизни отражается на неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи всей страны",

---

[1]) Приведенная выше записка Е. С. Гордѣенка.

а неудовлетворительность экономическаго положенія имѣетъ послѣдствіемъ неудовлетворительность и общественной дѣятельности. Съ другой стороны, эта послѣдняя лишена у насъ самыхъ существенныхъ условій, необходимыхъ для ея развитія. Свободная дѣятельность невозможна безъ обезпеченія правъ личности, ея неприкосновенности, безъ права свободнаго обсужденія; но этими-то правами и не пользуются русскіе люди и отсутствіе этихъ правъ отражается и на общественной дѣятельности. „По поводу того направленія, которое необходимо дать роковому вопросу объ общихъ мѣрахъ къ развитію народнаго благосостоянія, — говорилъ въ новгородскомъ губернскомъ собраніи 1880 г. гласный Н. Ѳ. Румянцевъ, — мы до сихъ поръ ничего не высказали и, повидимому, затрудняемся высказать. Столь неприглядное положеніе земства, въ лицѣ своихъ представителей, членовъ губернскаго земскаго собранія, обреченнаго ходить кругомъ да около одной изъ самыхъ серьезныхъ задачъ, даетъ мнѣ основаніе формулировать наше первое и единственное желаніе — это ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобъ оно признало неприкосновенность личности, — признало, что каждый изъ насъ отвѣтственъ лишь предъ закономъ и лишь по суду. Я думаю, объ

этомъ собранію ходатайствовать необходимо прежде всего, а безъ этого мы будемъ безсильны и нѣмы во всякомъ серьезномъ вопросѣ.“[1]) Вопросъ, возбужденный г. Румянцевымъ и не получившій дальнѣйшаго движенія въ новгородскомъ собраніи, возникалъ и въ другихъ общественныхъ собраніяхъ.

Въ очередной сессіи петербургскаго губернскаго дворянскаго собранія 1881 г. онъ былъ поднятъ г. Шакѣевымъ. „Пришла пора, — сказалъ г. Шакѣевъ, — честно и открыто высказать правительству взглядъ первенствующаго сословія на такую мѣру, которая составляетъ болѣзнь русской жизни и отъ которой нужно избавиться какъ можно скорѣе и какъ можно рѣшительнѣе. Администрація, очищая Россію отъ соціалистовъ, прибѣгала къ такимъ мѣрамъ, къ которымъ можетъ быть примѣнено лишь одно названіе — произволъ. Были личности, которыя возставали противъ произвола, но таинственная сила оказалась выше закона: даже законъ не могъ противодѣйствовать этой силѣ. Болѣе всего пострадала несовершеннолѣтняя молодежь: за простое знакомство, за неосторожное слово въ письмѣ,

---

[1]) „Стенографич. отчетъ XVI новгородск. губ. земск. собр.“, стр. 202.

нерѣдко назначалось тяжелое наказаніе — ссылка въ отдаленныя губерніи Россіи и Сибири. Произволъ росъ и достигъ въ недавнее время своего зенита. Нечего и доказывать, что принимавшіяся администраціей произвольныя мѣры были безусловно вредны.“ Дворянское собраніе, признавая незаконность административной ссылки, при громкихъ аплодисментахъ, постановило: „воспользоваться правомъ, дарованнымъ дворянству 143 ст. IX т. Св. Зак. и принести всеподданнѣйшее прошеніе Его Императорскому Величеству о ненарушеніи закона, обезпечивающаго личность русскаго гражданина.“ Въ окончательной редакціи прошенія пріостановка законовъ объ обезпеченіи личности только обусловлена крайнею необходимостью и утвержденіемъ верховной власти[1]). Подобное же предложеніе было внесено въ черниговское губернское собраніе, въ январѣ 1881 года, гласнымъ А. П. Карпинскимъ, предлагавшимъ ходатайствовать „объ ограниченіи дѣйствія административной высылки въ примѣненіи ея къ общественному представительству.“ По мнѣнію г. Карпинскаго, неограниченность приложенія этой мѣры „мѣшаетъ болѣе глубокому изслѣдованію при-

---

[1]) *Недѣля* 1881 года, № 9.

чинъ настоящаго движенія, мѣшаетъ правильному развитію русскаго общества; она противна основному принципу нашего самоуправленія — гласности; она не сообразна съ видами правительства.“ „Поражая соціалистовъ, какъ враговъ существующаго порядка, — говорилъ авторъ доклада, — мѣра эта, вслѣдствіе различныхъ недоразумѣній, превратныхъ толкованій, касалась и представителей русскаго общества, несмотря, быть-можетъ, на все желаніе администраціи поступать въ этомъ случаѣ крайне осторожно. Падая на однихъ всею тяжестью наказанія, она, какъ грозный призракъ, препятствовала другимъ свободно обсуждать вопросы внутренней жизни, особенно вопросы экономическаго характера, и тѣмъ самымъ скрывала наше народное хозяйство, требовавшее немедленной помощи, и были случаи, что предложенія проектовъ, направленныхъ къ улученію экономическаго быта народа, смѣшивались администраціей съ соціалистическими требованіями.“ По прочтеніи доклада г. Карпинскаго, предсѣдатель собранія заявилъ, что обсужденіе его онъ допустить не можетъ [1]).

---

[1]) „Журналы черниг. губерн. зем. собр. очеред. сессіи 1880 года, бывшей въ январѣ 1881 года“, стр. 161 и 618. *Земскій сборникъ Черниговской губерніи* 1881 г., №№ 1—4.

Ближайшимъ поводомъ къ возбужденію г. Карпинскимъ вопроса объ ограниченіи административной высылки послужило удаленіе изъ Черниговской губерніи административнымъ порядкомъ одного изъ губернскихъ гласныхъ. Это обстоятельство составило предметъ обсужденія въ Черниговскомъ земскомъ собраніи. Въ апрѣлѣ 1879 года гласный борзенскаго уѣзднаго и черниговскаго губернскаго собраній, И. И. Петрункевичъ, высланъ административнымъ порядкомъ изъ Черниговской губерніи; въ 1880 году онъ съѣздомъ крупныхъ землевладѣльцевъ былъ вновь выбранъ въ гласные уѣзднаго собранія, а этимъ послѣднимъ — въ губернскіе гласные. Это обстоятельство подало поводъ 37 гласнымъ, къ которымъ потомъ присоединились еще трое, предложить губернскому собранію ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о предоставленіи г. Петрункевичу возможности исполнить его обязанности уѣзднаго и губернскаго гласнаго. „Недовѣріе, выраженное администраціею Петрункевичу высылкой его безъ суда, — говорятъ 37 гласныхъ въ своемъ заявленіи, — не раздѣляется мѣстными жителями, такъ какъ тремя общественными заявленіями, изъ которыхъ два имѣютъ знаменательную форму выбора закрытою баллотиров-

кой, они ясно выразили, что по-прежнему довѣряютъ г. Петрункевичу быть ихъ земскимъ представителемъ. Такая противоположность въ оцѣнкѣ дѣятельности одного и того же лица возможна потому, что какъ администрація въ вопросахъ о высылкѣ безъ суда, такъ и земство въ выборѣ своихъ представителей уполномочены закономъ дѣйствовать вполнѣ дискреціонно. Но, само собою разумѣется, что подобная коллизія законныхъ правъ двухъ государственныхъ учрежденій — земства и администраціи — въ высшей степени прискорбна, такъ какъ въ основѣ колеблетъ въ мѣстныхъ жителяхъ ту вѣру въ законъ, которая такъ необходима для правильнаго теченія государственной жизни.“[1]) Предложенное ходатайство земскимъ собраніемъ принято, но до сихъ поръ г. Петрункевичъ не получилъ возможности принимать участіе въ засѣданіяхъ земскихъ собраній.

Другой подобный же случай произошелъ въ Таврической губерніи съ извѣстнымъ земскимъ дѣятелемъ, предсѣдателемъ мѣстной губернской управы, В. К. Винбергомъ.

„Коллизія законныхъ правъ двухъ госу-

---

[1]) „Журналы черниговскаго губерн. земск. собр. очеред. сессіи 1880 года, бывшей въ январѣ 1881 г.“, стр. 516. *Земскій Сборникъ Черниг. губ.* 1881 г., №№ 1—4.

дарственныхъ учрежденій" въ дѣлѣ оцѣнки того или другаго лица, о которой говорятъ 37 гласныхъ черниговскаго земства, проявляется и въ другой формѣ — въ формѣ вліянія губернатора на утвержденіе лицъ, избираемыхъ въ мировые судьи. Нѣкоторые губернаторы пользуются предоставленнымъ имъ правомъ аттестаціи и бывали случаи, когда сенатъ, на основаніи губернаторскихъ отзывовъ, отказывалъ въ утвержденіи избранныхъ мировыхъ судей. На крайнія неудобства этой мѣры указалъ гласный С. О. Лавровъ, въ запискѣ, внесенной въ самарское губернское собраніе 1880 года. Оставляя въ сторонѣ и то обстоятельство, что „временными правилами въ корень измѣняется характеръ выборовъ, установленный уставами 20 ноября", и „недовѣріе къ земскимъ учрежденіямъ, выразившееся въ этихъ правилахъ", авторъ записки указываетъ на невозможность примѣненія этихъ правилъ на практикѣ. По его мнѣнію, губернатору, не знающему лично всѣхъ избранныхъ въ мировые судьи, придется руководствоваться отзывомъ чиновъ полиціи, которые не всегда могутъ быть безпристрастны. Полиція часто является въ судѣ стороной, заинтересованной въ обвиненіи, и вполнѣ естественно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда взгляды суда не сой-

дутся со взглядами полиціи, послѣдняя останется недовольна судомъ и это недовольство перенесетъ на личность судьи. Слѣдовательно, говоритъ г. Лавровъ, „какъ бы ни былъ добросовѣстенъ судья, какъ бы свято ни чтилъ онъ, по разумѣнію своему, законы Имперіи, но недовольные изъ чиновъ полиціи постоянно будутъ около него и, въ случаѣ спроса ихъ губернаторомъ, они дадутъ отвѣтъ, что судья недостаточно уважаетъ ихъ требованія, какъ представителей власти, что своимъ приговоромъ и отказомъ въ требованіяхъ полиціи онъ роняетъ значеніе ея чиновъ, а отъ этого такъ уже недалеко до колебанія основъ и т. п. обвиненій, что губернаторъ, при полномъ желаніи быть безпристрастнымъ и добросовѣстнымъ, будетъ невольно вовлеченъ въ заблужденіе и невольно дастъ несоотвѣтствующій дѣйствительности отзывъ.“ Другой источникъ, изъ котораго губернаторъ можетъ черпать свѣдѣнія, — мѣстный прокурорскій надзоръ, — хотя и представляется болѣе надежнымъ, однако и въ немъ нѣтъ гарантій безпристрастности: „практика даже судебныхъ мѣстъ даетъ многочисленные примѣры тому, что мѣстный товарищъ прокурора становится въ непріязненныя, даже враждебныя отношенія къ членамъ съѣзда изъ-за разности взглядовъ

на ихъ взаимныя права и отношенія, и трудно предположить, чтобы такое лицо дало вполнѣ безпристрастный отзывъ.“ Отрицая за правилами возможность практическаго примѣненія, въ смыслѣ самихъ правилъ, г. Лавровъ находитъ, что они „въ корень мѣняютъ характеръ мироваго института и заставляютъ мироваго судью знать не только законъ и совѣсть, но и мѣстныхъ чиновъ полиціи и мѣстный прокурорскій надзоръ; они низводятъ положеніе судьи, дѣйствующаго именемъ Императорскаго Величества и примѣняющаго законы Россійской имперіи, въ положеніе человѣка, могущаго быть поставленнымъ въ зависимость отъ благоволительнаго отношенія къ нему даже низшихъ чиновъ полиціи. Такое измѣненіе положенія не можетъ не вызвать, какъ послѣдствіе, еще большее уклоненіе отъ занятія должности мироваго судьи, еще большія затрудненія для земскаго собранія избрать достойныхъ лицъ.“[1]) Земское собраніе приняло предложеніе г. Лаврова и постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ правилъ 1879 года. Подобныя же ходатайства возбуждены и другими земскими собраніями, напримѣръ елисаветградскимъ уѣзднымъ.

---

[1]) „Постановл. XVI очер. самарскаго губ. земск. собр. 1880 г.“, стр. 276.

Недовѣріе правительства къ общественнымъ учрежденіямъ, такъ часто проявлявшееся въ періодъ времени 1867—1880 гг., особенно тяжело отзывалось на земской дѣятельности, парализуя лучшія земскія начинанія. Вотъ почему первые признаки, обѣщавшіе измѣненіе отношеній правительства къ земству въ болѣе благопріятномъ для послѣдняго смыслѣ, вызвали въ общественныхъ сферахъ чрезвычайное оживленіе, возбудили надежды на лучшее будущее. Вступленіе въ должность министра внутреннихъ дѣлъ, графа М. Т. Лорисъ-Меликова, пріобрѣтшаго общее уваженіе въ бытность свою харьковскимъ временнымъ генералъ-губернаторомъ и начальникомъ верховной распорядительной коммиссіи, было восторженно привѣтствовано всѣми, кому дорого правильное развитіе нашего отечества. На новое министерство, смѣнившее чисто бюрократическое министерство г. Макова, возлагались большія надежды, хотя прямыхъ обѣщаній съ его стороны никакихъ дано не было. Фактическое облегченіе положенія печати, учрежденіе коммиссіи для пересмотра законовъ о ней, съ участіемъ ея представителей (хотя участіе это ограничилось присутствіемъ нѣсколькихъ редакторовъ въ двухчасовомъ засѣданіи), упраздненіе III отдѣленія, внимательное отношеніе

къ земскимъ представителямъ и передача управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія въ руки другаго лица — вотъ почти все, что видѣло русское общество и что такъ благотворно на него подѣйствовало. Программа, заявленная гр. Лорисъ-Меликовымъ въ его бесѣдѣ съ редакторами петербургскихъ періодическихъ изданій, въ сущности не обѣщала ничего опредѣленнаго: въ ней не было и рѣчи о какихъ либо коренныхъ реформахъ, которыхъ такъ давно жаждало измученное реакціей русское общество; напротивъ, представителямъ печати настойчиво рекомендовалось „не смущать и не волновать напрасно общественные умы своими мечтательными иллюзіями“, на осуществленіе которыхъ не подавалось никакой надежды. Несмотря на скромность этой программы, она была встрѣчена чрезвычайно сочувственно: вѣрилось, что политическій тактъ новаго руководителя нашей внутренней политики, обнаруженный имъ въ должности начальника распорядительной коммиссіи, подскажетъ ему тѣ мѣры, которыя необходимы для дѣйствительнаго оздоровленія нашего государственнаго организма, для успокоенія и умиротворенія нашего общества; вѣрилось, что при честномъ отношеніи къ дѣлу новыхъ совѣтниковъ Государя, при искренней заботли-

вости ихъ о благѣ общемъ, падутъ, наконецъ, тѣ преграды, которыя такъ долго отдѣляли власть отъ народа, что законныя требованія общества получатъ удовлетвореніе. Горячее сочувствіе къ новому направленію политики сказалось въ привѣтственныхъ адресахъ, обращенныхъ общественными собраніями къ графу Лорисъ-Меликову, въ избраніи его многими городскими думами въ почетные граждане. „Въ короткое время ваше сіятельство съумѣли оправдать и довѣріе Государя, и многія изъ надеждъ общества, — сказано въ телеграммѣ тверскаго губернскаго собранія графу Лорисъ-Меликову, отъ 19 декабря 1880 года. — Вы внесли прямоту и доброжелательность въ отношенія между властью и народомъ; вы мудро признали законныя нужды и желанія общества, не дѣлая народъ отвѣтственнымъ за безумство отдѣльныхъ людей. Тверское губернское земское собраніе считаетъ своею священною обязанностью, выразить вашему сіятельству самую искреннюю и глубокую благодарность за то, что вами уже сдѣлано, и за ту великую мысль, которая оживляетъ Русскую землю, разгоняя всѣ недоразумѣнія между властью и народомъ.“[1])

---

[1]) „Проток. засѣдан. тверскаго губернскаго земск. собр. очередн. въ декабрѣ 1880 года“, стр. 248.

Выражая свое сочувствіе новому направленію правительственной политики, земскіе представители обнаружили большую умѣренность: полагаясь на мудрость и благонамѣренность власти, они не заявляли никакихъ требованій, воздерживались отъ всякихъ указаній на желательныя реформы. Глубокая вѣра въ прочность вновь устанавливавшагося порядка заставляла ихъ терпѣливо ожидать мѣропріятій со стороны самого правительства. „Несмотря на глубокое разстройство и государственнаго, и частнаго хозяйства въ Россіи, несмотря на существованіе многихъ пробѣловъ въ строѣ нашихъ учрежденій“, тверское губернское земское собраніе, въ той же телеграммѣ гр. Лорисъ-Меликову, высказывало убѣжденіе, „что прискорбное прошлое не воротится, что для дорогаго намъ всѣмъ отечества открывается счастливое будущее. Русскій гражданинъ, личность котораго будетъ свято охраняться закономъ, съумѣетъ постоять за достоинство Престола и за великіе интересы государства. Только такіе граждане составляютъ надежный и несокрушимый оплотъ державы.“ „Хотя многія изъ заявленныхъ земствомъ желаній, къ сожалѣнію, не могутъ быть, по мнѣнію вашего высокопревосходительства, удовлетворены въ настоящее время, — писало то же

земство А. А. Сабурову, — но тверское земство, вполнѣ увѣренное въ установленіи отнынѣ искреннихъ и доброжелательныхъ отношеній между министерствомъ народнаго просвѣщенія и земствомъ, съ довѣріемъ смотритъ на будущее народной школы.“[1]) Точно также и продовольственная коммиссія новгородскаго земства, въ своемъ, уже упомянутомъ нами, докладѣ, заявляетъ, что „государственныя мѣропріятія послѣдняго времени, отразившіяся, между прочимъ, на большей свободѣ печати, даютъ надежду, что и по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ, являющимся истиннымъ представителемъ народныхъ нуждъ, будетъ предоставлено болѣе простора въ выраженіи ихъ желаній.“ Предсѣдатель курской губернской управы, Н. А. Полянскій, въ представленномъ губернскому собранію 1880 года „Обзорѣ дѣятельности курскаго губернскаго земства за послѣднее трехлѣтіе, т.-е. за 1878, 1879 и 1880 годы“, указывалъ также, что „настаетъ, повидимому, время, когда правительство предполагаетъ болѣе серьезно отнестись къ пользамъ и нуждамъ земскихъ учрежденій и внимательно выслушать голосъ земства по вопросамъ экономическимъ и сельско-хо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 251.

зяйственнымъ, нуждающимся въ коренныхъ и безотлагательныхъ реформахъ.“ Напоминая далѣе, что курскимъ земствомъ было возбуждено много разныхъ ходатайствъ, касающихся до улучшенія сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, „что всѣмъ этимъ представленіямъ, въ теченіе 14 лѣтъ, не было дано никакого движенія и, повидимому, не давалось вѣроятія практичному голосу земства, заявлявшему о постепенномъ упадкѣ земледѣлія и промышленности“, — г. Полянскій замѣчаетъ: „но, кажется, настало время, когда лица, ставшія во главѣ правительства и придавшія значеніе голосу представителей (земства), увидѣли во-очію, что четырнадцатилѣтнее затишье пустило глубокіе корни и отразилось экономическимъ кризисомъ въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ. Настало время и для насъ, представителей курскаго земства, — говоритъ предсѣдатель курской управы, — повторить правительству все то, о чемъ мы просили въ теченіе 14 лѣтъ, въ полной увѣренности, что въ настоящее время насъ выслушаютъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ, какъ представителей, которымъ близко извѣстны мѣстныя потребности и тѣ недуги, которые повліяли на ухудшеніе экономическаго благосостоянія населенія, а также и тѣ сред-

ства, которыя могутъ если не вовсе, то отчасти устранить переживаемый нынѣ тяжелый экономическій кризисъ. Начнемъ же съ новой энергіей продолжать наше земское дѣло и сбросимъ съ плечъ ту апатію, которая невольно обуяла насъ за послѣднее время. Въ настоящее переходное время правительству нужна наша помощь, и мы сдѣлаемъ все, чтобы помочь ему совѣтомъ, дѣломъ и нашими матеріальными средствами, прося его, съ своей стороны, помочь намъ исполнить наши предначертанія и намѣренія, и безпрепятственно, безъ колебаній, санкціонировать ихъ своимъ авторитетомъ и своею законодательною властью.“[1])

Надежда на установленіе болѣе благожелательныхъ, чѣмъ прежде, отношеній правительства къ общественнымъ органамъ поддерживалась и представителями власти. Черниговскій губернаторъ, напримѣръ, при открытіи очереднаго собранія, 12 января 1881 года, заявилъ, что „правительству нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, нуженъ консультативный голосъ земства по многимъ отраслямъ государственнаго хозяйства.“[2]) Готовность придти на по-

---

[1]) „Обзоръ“, стр. 76—77. „Журналы засѣд. XVI очер. курскаго губернскаго земскаго собранія.“

[2]) „Журналы“, стр. 218.

мощь правительству высказывалась въ земскихъ собраніяхъ. Тульское губернское собраніе приняло предложеніе редакціонной коммиссіи, ходатайствовать о скорѣйшемъ осуществленіи податной реформы и особенно о томъ, чтобы составленныя по этому предмету предложенія во всякомъ случаѣ были переданы на предварительное обсужденіе чрезвычайныхъ губернскихъ собраній, какъ то было въ 1870 году[1]). Упомянутая выше продовольственная коммиссія самарскаго земства высказала мысль, что „самыя реформы лишь тогда вполнѣ достигнутъ своей цѣли, когда онѣ не будутъ болѣе являться продуктами только теоретическихъ выводовъ и обобщеній, а при активномъ участіи въ ихъ выработкѣ и примѣненіи общественныхъ представителей, по примѣру крестьянской реформы, будутъ служить вѣрнымъ выраженіемъ народныхъ нуждъ и мыслей.“[2]) Коммиссія, избранная тверскимъ губернскимъ собраніемъ для разсмотрѣнія записки новоторжскихъ гласныхъ о желаемыхъ преобразованіяхъ, необходимыхъ для согласованія „Положенія 19-го февраля“ съ требованіями настоящаго времени, имѣла въ

---

[1]) „Журналы XVI очереднаго тульскаго губер. земск. собр.“, стр. 42. — Приложеніе, стр. 29.

[2]) Указ. мѣсто.

виду, что мѣропріятія, необходимыя для устройства и упорядоченія общенародной жизни, имѣютъ значеніе не мѣстное только, а общегосударственное, почему разрѣшеніе этой задачи усиліями земствъ, при разрозненности ихъ вообще, представлялось бы недостаточнымъ и несоотвѣтствующимъ существу и важности дѣла, не сочла возможнымъ входить въ обсужденіе о томъ или другомъ отдѣльномъ мѣропріятіи, но нашла необходимымъ „теперь же ходатайствовать предъ правительствомъ о томъ, чтобы „Положеніе 19 февраля“ и послѣдовавшія узаконенія, къ нему относящіяся, въ виду крайней необходимости, указываемой ненормальнымъ ходомъ жизни, были пересмотрѣны и измѣнены, дополняя притомъ, что единственнымъ способомъ къ достиженію этой цѣли и успѣшному разрѣшенію вопроса представляется участіе въ обсужденіи и разрѣшеніи его представителей самихъ заинтересованныхъ лицъ и въ особенности крестьянъ, какъ огромнаго большинства населенія.“ Докладъ коммиссіи единогласно принятъ собраніемъ[1]).

Мысль о необходимости участія общественныхъ представителей въ разрѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ, такимъ образомъ,

---

[1]) „Протоколы“, стр. 39 и 226.

высказывалась земствами въ 1880 году, но она выражалась съ весьма большой сдержанностію и осторожностію: земство вѣрило и сочувствовало правительству и какъ бы боялось забѣгать впередъ, обращаться къ нему съ чрезмѣрными просьбами. Такая осторожность выразилась особенно рельефно въ слѣдующемъ фактѣ. Въ продовольственную коммиссію новгородскаго земства Н. Н. Нечаевымъ была внесена записка о причинахъ современнаго экономическаго положенія и средствахъ къ его улучшенію; но коммиссія не признала возможнымъ разсматривать эту записку въ собраніи и самъ авторъ не настаивалъ на ея обсужденіи: „полагаю, — говорилъ онъ въ собраніи, — что коммиссія имѣла къ этому нѣкоторыя основанія, такъ какъ споръ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять, завелъ бы насъ слишкомъ далеко.“[1]) Въ этой запискѣ доказывалась необходимость дальнѣйшихъ реформъ, какъ самаго вѣрнаго средства для выхода изъ современныхъ затрудненій. „Реформы эти, — говоритъ авторъ, — для того, чтобы получить надлежащую крѣпость и принести желанные плоды, должны соотвѣтствовать дѣйствительнымъ нуждамъ страны и большинства насе-

---

[1]) „Стеногр. отчетъ XVI новгородск. губ. собр.“ стр. 198.

ленія. Для того, чтобы познакомиться съ желаніями и нуждами большинства, правительству необходимо выслушать голосъ народа, дать ему возможность и средства свободно высказываться." Настоящая организація земскихъ учрежденій, по мнѣнію автора, нуждается въ значительныхъ измѣненіяхъ: „для того, чтобъ они могли сослужить настоящую службу государству, необходимо многое измѣнить, многое пополнить, а главное — даровать земству широкія права и сдѣлать его дѣйствительнымъ представителемъ общества и выразителемъ его интересовъ; нужно ввести земство въ сѣть государственныхъ учрежденій, со всѣми необходимыми правами и преимуществами; необходимо сдѣлать земство средоточіемъ всего мѣстнаго управленія, давъ ему право свободно высказываться по всѣмъ вопросамъ общественной жизни." „Свобода мысли и слова, немыслимая безъ личной неприкосновенности, строгое господство законности, расширеніе правъ земства и преобразованіе его въ смыслѣ болѣе истиннаго и вѣрнаго выраженія общественныхъ интересовъ и желаній, болѣе тѣсная связь и возможность общенія между земствами отдѣльныхъ губерній — вотъ тѣ принципы, которые, — по мнѣнію

г. Нечаева, — должны быть положены въ основу предстоящихъ реформъ."

Мысли, выраженныя въ приведенной запискѣ, раздѣляются большинствомъ мыслящаго русскаго общества; онѣ встрѣтили сочувствіе и со стороны новгородской коммиссіи, какъ видно изъ заключенія ея доклада; но заявленія такого рода выходятъ изъ предѣловъ компетенціи земскихъ учрежденій и коммиссія не рѣшилась вовлекать собраніе въ обсужденіе неподлежащихъ его вѣдѣнію вопросовъ. Въ этомъ сказалось много такта, много сдержанности, и въ то же время — полное довѣріе къ правительственной власти.

Все, нами описанное, происходило въ концѣ 1880 и началѣ 1881 гг. Въ это время шла энергическая правительственная работа; ставились на очередь важнѣйшіе государственные вопросы, касавшіеся главнымъ образомъ нуждъ народа; предпринята была сенаторская ревизія, имѣвшая цѣлью „дознать желанія, нужды, состояніе населенія, обративъ при этомъ вниманіе и на его экономическое положеніе"; на обсужденіе земскихъ собраній былъ переданъ вопросъ объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, въ такой притомъ формѣ, что земству открывалась возможность войти въ обсужденіе всей

системы мѣстнаго управленія. Наконецъ, распространился слухъ о предстоящемъ созывѣ земскихъ представителей. Общество ожидало и надѣялось, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, разразилась катастрофа 1-го марта. Событіе это не могло не отразиться на всемъ ходѣ нашей государственной жизни; оно развязало языкъ всѣмъ противникамъ „политики умиротворенія“; реакціонные элементы вновь подняли голову; изъ охранительныхъ круговъ вновь раздались вопли о репрессіи; посыпались градомъ упреки чрезмѣрнымъ уступкамъ, слабости правительственной власти; цѣлый набатъ призывалъ власть къ возврату на прежній путь, на путь реакціи и застоя, который одинъ будто бы представлялъ прочный оплотъ безопасности и порядка. Въ такую тяжелую минуту общество не могло безмолвствовать; оно должно было высказаться такъ или иначе, должно было спѣшить на помощь верховной власти.

5-го марта открылось чрезвычайное губернское земское собраніе въ Самарѣ. Предсѣдателемъ собранія было внесено предложеніе о составленіи всеподданнѣйшаго адреса, съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу совершившагося событія и поздравленіемъ по случаю восшествія на престолъ, и это предложеніе вызвало оживленныя пренія. Гласный Жда-

новъ, бузулукскій уѣздный предводитель дворянства, находилъ данный моментъ весьма неудобнымъ для подобнаго адреса. „Мы, — сказалъ онъ, — въ теченіе этихъ послѣднихъ лѣтъ, послали пять адресовъ, но всѣ они ни къ чему не послужили и ничего въ дѣйствительности не выражали, ибо все то, что было и есть у насъ на душѣ, оставалось и остается не высказаннымъ“, а потому онъ находилъ отправленіе адреса неудобнымъ, изъ опасенія умалить „торжественность минуты.“ Гласный Наумовъ тоже воспротивился предложенію предсѣдателя, говоря, что „словъ нѣтъ, достойныхъ выразить все, что у насъ на душѣ. Мы не знаемъ, что насъ ждетъ. Къ чему пустая формальность?... Лучше молчать.“ Гласный Нудатовъ также высказался противъ адреса. Онъ считалъ себя нравственно отвѣтственнымъ за тѣ адресы, подъ которыми онъ прежде подписывался. „Развѣ мы, — продолжалъ онъ, — говорили что-нибудь о тяжести налоговъ, лежащихъ на крестьянахъ, о подавленіи труда капиталомъ, объ отсутствіи гарантій въ личной неприкосновенности? — Нѣтъ! Ну, въ такомъ случаѣ, лучше ничего не говорить, а просто молчать.“ Все собраніе, исключая трехъ человѣкъ, отклонило предложеніе объ адресѣ. Въ томъ же засѣданіи, по поводу

доклада управы „о расширеніи правъ земства въ дѣлѣ принятія мѣръ противъ эпидемій“, гласный Ждановъ заявилъ, что „находитъ ходатайство земства по данному вопросу несовременнымъ, въ виду событій послѣдняго времени; если же ходатайствовать о чемъ, то не о такихъ мелочахъ; пора прямо высказать, что желательно расширеніе правъ земства не по какому-либо *отдѣльному* предмету, входящему въ область его вѣдѣнія, а расширеніе правъ народа и участіе его, въ лицѣ своихъ представителей, въ самоуправленіи всей страны.“ „Мы не для того, — продолжалъ онъ, — только-что приняли присягу, чтобы сейчасъ обманывать и говорить не то, что думаемъ и желаемъ.“ Гласный Нудатовъ, поддерживая высказанное г. Ждановымъ, находилъ, что кромѣ тѣхъ эпидемій, о которыхъ трактуетъ докладъ, есть еще другаго рода эпидеміи, не менѣе важныя и грозныя, какъ, напримѣръ, эпидемія чуть ли не экономическаго банкротства, народнаго невѣжества и проч. Онъ полагаетъ нужнымъ избрать коммиссію для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя способствовали бы предотвращенію подобнаго рода эпидемій, а также по вопросу о расширеніи общихъ правъ. . .“ Пренія эти не повели ни къ ка-

кому постановленію, такъ какъ были остановлены предсѣдателемъ[1]).

Еще болѣе оживленныя пренія вызвалъ вопросъ о всеподданнѣйшемъ адресѣ въ самарскомъ дворянскомъ собраніи 8-го марта. „Мы только-что порѣшили послать въ Петербургъ депутацію ходатайствовать о разрѣшеніи постройки храма и проч., — сказалъ николаевскій уѣздный предводитель, г. Тенняковъ. — Конечно, все это хорошо и вполнѣ свойственно самарскому дворянству, вѣрному Престолу и отечеству. Но необходимо подумать о будущемъ. Сегодня они убили одного Монарха, а завтра станутъ покушаться на жизнь другаго. Необходимо обсудить тѣ мѣры, которыя должны быть приняты для предупрежденія подобныхъ ужасныхъ событій. Я предлагаю дворянскому собранію обсудить въ настоящемъ собраніи этотъ важный вопросъ.“ На это г. Нудатовъ отвѣтилъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ г. Тенняковымъ насчетъ принятія предупредительныхъ мѣръ, но не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобъ онѣ обсуждались здѣсь, въ дворянскомъ собраніи. По его мнѣнію, эту, въ высшей степени трудную, задачу могутъ разрѣшить только свободно избранные

[1]) *Земство* 1881 г., № 17.

представители всѣхъ сословій, а не одного дворянства, которыхъ необходимо созвать для этой цѣли.“ (Крики: „Правда, правда!“) „Я уже старъ и на склонѣ дней моихъ, — говорилъ далѣе г. Нудатовъ. — Я люблю мою родину и желаю ей счастья и славы. Никто не заподозритъ и не скажетъ, что я — революціонеръ. Но ради блага отечества, ради счастья дѣтей нашихъ, говорю вамъ, что смута, вотъ уже два года терзающая Русскую землю, можетъ быть только устранена общими усиліями всѣхъ свободно избранныхъ представителей народа. Только они, а не исключительно дворянство, могутъ обсудить и принять мѣры, которыя бы дали миръ и спокойствіе нашей несчастной родинѣ.“ Слезы душили его и онъ опустился на стулъ, оглушенный громомъ рукоплесканій. Крики: „Вѣрно! Правда, правда!“ — довершили общій энтузіазмъ, охватившій все собраніе“, разсказываетъ корреспондентъ *Земства.* Затѣмъ всталъ графъ Толстой и сказалъ: „Путь, указываемый нами, не новый и не революціонный. Онъ уже издавна практиковался на Руси. Такъ, даже самые абсолютные монархи, каковы Іоаннъ Грозный и Алексѣй Михайловичъ, и тѣ созывали земскіе соборы. Кому же, какъ не представителямъ народа, защищать своего царя?

Не тѣмъ ли, которые обманывали покойнаго?...“ Здѣсь рѣчь была прервана предсѣдателемъ, который заявилъ, что не можетъ допустить подобной критики. Собраніе постановило избрать коммиссію для личной передачи Государю Императору адреса съ ходатайствомъ о созывѣ избранныхъ представителей народа для обсужденія и принятія мѣръ, которыя должно предпринять къ умиротворенію отечества и искорененію смуты[1]).

Такъ же категорически, какъ самарское дворянство, высказалось и новгородское губернское собраніе въ своей мартовской чрезвычайной сессіи: оно „выразило полное свое сочувствіе рѣчи Н. Н. Нечаева, который предлагалъ умолять Государя выслушать свободный голосъ Русской земли, чрезъ посредство истинныхъ ея представителей и дѣйствительныхъ выразителей народныхъ нуждъ, интересовъ и задушевныхъ мыслей, — и слѣдующимъ образомъ высказалось въ своемъ адресѣ: „Мы умоляемъ дозволить намъ стать щитомъ священной особы Вашего Величества. Мы умоляемъ даровать обществу возможность принять участіе въ борьбѣ съ врагами русскаго народа и повергаемъ къ стопамъ Вашего Император-

---

[1]) Тамъ же.

скаго Величества просьбу выслушать свободный голосъ русскаго народа, который уже столько разъ давалъ доказательства своей безпредѣльной преданности возлюбленному Царю и спасалъ отечество отъ постигавшихъ его бѣдствій.“ [1]) Рѣчь Н. Н. Нечаева, вызвавшая это постановленіе и покрытая нѣсколько минутъ продолжавшимися рукоплесканіями гласныхъ и публики, достойна упоминанія.

„Едва ли, — говорилъ онъ, — можно сомнѣваться въ нашей обязанности высказаться по этому предмету. Положимъ, буквальный смыслъ земскаго „Положенія“ не даетъ на это права; но въ такіе великіе историческіе моменты, какъ тотъ, который мы переживаемъ, невозможно руководствоваться одною буквой закона: необходимо возвыситься до его смысла. По смыслу земскаго „Положенія“, мы призваны вѣдать мѣстные интересы; но развѣ возможно отдѣлить отъ интересовъ какой-либо мѣстности заботы о благоденствіи русскаго Царя? Развѣ заботы эти не составляютъ самый насущный интересъ каждой мѣстности, каждаго отдѣльнаго лица? Историческая минута, которую мы переживаемъ, по-истинѣ

---

[1]) „Сборникъ постановленій земск. собр. Новгородской губерніи за 1881 г.“, стр. 47.

ужасна! Посмотрите вокругъ себя, вникните въ смыслъ всего совершающагося — и вы не будете въ состоянiи молчать. Общественная мысль, пораженная безпримѣрнымъ злодѣянiемъ, теряется, путается въ условiяхъ найти вѣрный исходъ и объясненiе совершающагося. Общество томится желанiемъ принять активное участiе въ борьбѣ со страшнымъ призракомъ цареубiйства, народъ жаждетъ поставить свою грудь для защиты возлюбленнаго Царя. Въ такiя тяжелыя минуты, когда возбуждены всѣ общественныя страсти, необходимо услышать трезвую, спокойную рѣчь представителей земства.

„Подъ влiянiемъ ужаснаго событiя, затмѣвающаго своими чудовищными размѣрами спокойное мышленiе, мы слышимъ кругомъ себя такiя рѣчи, которыя вызываютъ необходимость собраться со всѣми силами, отвлечься отъ скорбныхъ мыслей и обсудить настоящее положенiе дѣлъ. Мы слышимъ призывъ къ реакцiи, мы слышимъ воззванiя къ низменнымъ инстинктамъ массы. Намъ указываютъ на перенесенiе столицы изъ одного города въ другой, какъ на серьезное средство въ борьбѣ со зломъ. Находятся люди, которые даже въ такую страшную минуту не могутъ отвлечься отъ личныхъ интересовъ и указываютъ на

необходимость прекращенія дальнѣйшаго развитія великихъ принциповъ самоуправленія, законности и свободы, забывая, что именно эти начала положены покойнымъ Монархомъ въ основу великихъ преобразованій, на вѣки прославившихъ его имя и оставившихъ неизгладимый слѣдъ въ признательныхъ сердцахъ русскаго народа. Съ одной стороны мы слышимъ голосъ той партіи застоя, на которую должна пасть бо́льшая доля отвѣтственности за все теперь совершающееся, а изъ-подъ земли раздается голосъ анархіи, — неужели же долженъ молчать народъ, голосъ котораго одинъ только достоинъ проникнуть до царскаго слуха?

„Передъ нашими глазами длинный рядъ попытокъ бороться со зломъ посредствомъ однѣхъ полицейскихъ мѣръ, безъ прямого участія общества. Безплодность такой борьбы и невозможность успѣха на этомъ пути выяснились достаточно опредѣленно для каждаго. Идти дальше по этому пути нельзя, какъ невозможно слушаться призыва къ реакціи, такъ какъ это значило бы отказаться отъ великихъ принциповъ, завѣщанныхъ намъ усопшимъ Монархомъ. Остается другой путь — остается только призвать общество къ дѣятельному участію въ борьбѣ со зломъ, и успѣшный исходъ ея тогда не можетъ подлежать сомнѣнію.

Это совершенно понятно: полицейская власть имѣетъ дѣло только съ проявленіемъ злой воли, только съ готовыми плодами той почвы, той ужасной заразы, которая скрывается въ обществѣ и окончательно искоренить которую можно только при содѣйствіи всѣхъ общественныхъ силъ.“[1])

Тѣ же мысли были высказаны въ таврическомъ губернскомъ собраніи 24 апрѣля В. К. Винбергомъ и другими гласными, но здѣсь предложеніе о подачѣ мотивированнаго адреса было отклонено большинствомъ 16 голосовъ противъ 10. „Наши избиратели, — говорилъ предсѣдатель губернской управы, — ждутъ отъ насъ, чтобы въ настоящую историческую минуту, по мѣрѣ разумѣнія, какъ каждому говоритъ его совѣсть, безъ страха и задней мысли, мы высказали наше искреннее, глубокое убѣжденіе, какимъ способомъ найдти мѣры къ искорененію зла. Еслибъ я считалъ земское собраніе компетентнымъ въ этого рода вопросахъ, я указалъ бы, какъ на причины, способствующія развитію зла, на отсутствіе свободы слова, малоземеліе крестьянъ и тягость лежащихъ на нихъ повинностей, а главное — на отсутствіе органа, правильно выра-

---

[1]) *Земство* 1881 г., № 18 (перепечатка изъ *Голоса*).

жающаго народную нужду. Но не намъ, представителямъ одной губерніи, рѣшать эти вопросы. Только весь народъ, въ лицѣ его истинныхъ представителей, въ состояніи указать на средство спасенія Россіи отъ бѣдствій, грозящихъ расшатать ея крѣпкій организмъ. Намъ же остается только стремиться, чтобы голосъ народа былъ выслушанъ. Если мы теперь, въ эту рѣшительную для государства минуту, въ это, до болѣзненности тяжелое, время, страха ли ради, или по какой-либо иной причинѣ, не сдѣлаемъ даже попытки помочь общему горю, то, по всей справедливости, должны будемъ принять на себя большую долю отвѣтственности за всѣ тѣ бѣды, которыя могутъ произойти отъ неустраненія причинъ, ихъ вызывающихъ: насъ горько упрекнутъ за то, что мы молчали, когда могли и должны были говорить. Будемъ же достойны нашего призванія и выразимъ во всеподданнѣйшемъ адресѣ, точно и ясно, о выслушаніи голоса народа, въ лицѣ его избранниковъ. Отъ державной воли будетъ зависѣть, услышать или нѣтъ нашъ слабый голосъ, — мы же исполнимъ нашъ гражданскій долгъ.“

Рѣчь В. К. Винберга не вызвала возраженій по существу; противъ его предложенія высказались двое гласныхъ, Н. В. Гофманъ и

Н. В. Щербань, исключительно съ внѣшней стороны. Первый заявилъ, что, будучи избранъ представителемъ *мѣстныхъ* пользъ и нуждъ, онъ не берется говорить о тѣхъ предметахъ, на разсужденіе о которыхъ избиратели его не уполномочивали, а послѣдній прямо выразилъ сочувствіе существу предложенія. „Съ самаго злосчастнаго дня 1-го марта, — говорилъ г. Щербань, — каждый изъ насъ много передумалъ про-себя. Совершенно естественно, что при первомъ же нашемъ соприкосновеніи другъ съ другомъ здѣсь все накопившееся и передуманное неудержимо рвется наружу. Рвутся и чувства, и мысли! Мысли эти намѣчены В. К., въ его мнѣніи о характерѣ, который долженъ имѣть предлагаемый имъ мотивированный адресъ. Это — проведеніе къ намъ извѣстныхъ государственныхъ началъ. Скажу, гг., откровенно: я искренно и глубоко убѣжденъ въ необходимости этихъ государственныхъ началъ, въ ихъ пользѣ; полагаю, и не я одинъ, а *всѣ члены нашего собранія,* вмѣстѣ со всѣми спокойно-разсудительными людьми.“ Но г. Щербань полагалъ, что неумѣстно „адресное давленіе, когда правительство занято оріентированіемъ въ борьбѣ съ подпольною крамолою, когда Глава его удрученъ сыновнею скорбію, въ милліонъ разъ тягчайшею нашей

скорби.“ По мнѣнію оппонента, „это было бы политически и всячески безтактно.“ Онъ находилъ несвоевременнымъ и неумѣстнымъ „забѣгать впередъ, какъ бы подгонять правительство, тѣмъ болѣе, что кредитъ (общества правительству) предвидится не долгосрочный: въ газетахъ было напечатано, и опроверженія не послѣдовало, что покойный Государь, за нѣсколько дней до своей мученической кончины, уже готовилъ проектъ призыва представителей земства, а тамъ, гдѣ его нѣтъ, представителей по особому законоположенію, для обсужденія вопроса объ участіи общества въ предметахъ государственнаго правленія. Смѣемъ ли мы имѣть сомнѣніе, тѣнь сомнѣнія — о судьбѣ этого завѣта въ рукахъ Преемника Преобразователя Россіи?“

Заявленіе г. Щербаня, что въ „необходимости извѣстныхъ государственныхъ началъ“ убѣждены всѣ члены собранія, ни съ чьей стороны не вызвало возраженій, и это даетъ поводъ думать, что предложеніе В. К. Винберга было отклонено единственно вслѣдствіе соображеній, представленныхъ гг. Щербанемъ и Гофманомъ [1]).

---

[1]) Пренія эти не помѣщены въ оффиціальныхъ „Постановленіяхъ“ таврическаго губ. собр., хотя и были напечатаны въ подцензурной газетѣ *Таврида,* очевидно съ разрѣшенія губернатора.

Мысли, подобныя изложеннымъ, въ болѣе или менѣе сдержанной формѣ были высказаны и другими общественными собраніями. Адресы казанской думы и казанскаго земства одинаково выражали одну надежду и одни пожеланія — „завершенія“ великаго дѣла обновленія государства, начатаго Царемъ-Освободителемъ; солигаличское уѣздное собраніе выражало желаніе, чтобы „новое царствованіе было продолженіемъ великихъ реформъ предшествовавшаго“; тверское губернское собраніе, въ своемъ адресѣ, указывало, что „когда бѣда поражала отечество, — въ непосредственномъ единеніи земскихъ людей и верховной власти русскій Царь и народъ всегда пріобрѣтали могучую, неодолимую силу.“ „Царь и народъ, — говорило рязанское земство, — издревле составляли едино; Августѣйшій Вашъ Родитель еще болѣе объединилъ и оживилъ Русскую землю. Соберите насъ вокругъ себя, а мы всегда готовы, по Вашему велѣнію, дѣлить съ Вами и труды, и опасности. Вѣрьте, Государь, нашей безграничной Вамъ преданности, и враги спокойствія, блага, могущества и славы Россіи исчезнутъ съ лица земли.“ Черниговское дворянство, заявляя о своей глубокой преданности Престолу, ходатайствовало о созывѣ представителей земли.

Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ, идущихъ отъ собраній, составленныхъ изъ представителей крупной собственности и наиболѣе консервативныхъ общественныхъ элементовъ, слышится глубокое недовольство нынѣшнимъ положеніемъ, горячее стремленіе къ большему обезпеченію порядка, спокойствія и безопасности. Общество, очевидно, не удовлетворялось тою политикой борьбы, которая господствовала въ послѣдніе годы; оно боялось возврата къ тѣмъ реакціоннымъ порядкамъ, которые смѣнили эпоху реформъ, которые ревниво охраняли интересы бюрократіи и капитализма, заслоняя ими интересы народа и общества. Въ этой мрачной эпохѣ произвола и разобщенія власти со страною земскіе дѣятели видѣли причину той неурядицы, которая ощущается во всемъ нашемъ государственномъ и общественномъ строѣ, — той „крамолы“, которая нѣсколько лѣтъ держала страну въ страхѣ и разразилась кровавой катастрофой на Екатерининскомъ каналѣ. Заявленія по этому предмету послѣдовали въ отвѣтъ на циркуляръ графа Игнатьева отъ 6 мая 1881 года.

Какъ извѣстно, новый министръ внутреннихъ дѣлъ, немедленно по вступленіи въ должность, обнародовалъ циркуляръ, въ которомъ излагалась правительственная программа. За-

явленіе графа Игнатьева было торжественное, и по формѣ и по содержанію далеко оставлявшее за собою скромную бесѣду графа Лорисъ-Меликова съ представителями петербургской прессы и не могло остаться безъ отвѣта со стороны общественныхъ представителей.

Новгородскій губернаторъ, препроводивъ копію съ циркуляра въ губернскую управу, выражалъ надежду, что предсѣдатель и члены ея не оставятъ содѣйствовать правительственной власти всѣми зависящими отъ нихъ средствами къ осуществленію тѣхъ задачъ, которыя указываетъ циркуляръ. Губернская управа признала для себя обязательнымъ получить указанія собранія по сему предмету и, докладывая, въ декабрьской сессіи, сущность постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній по тому же предмету, изложила и собственный взглядъ на вопросъ, по поводу котораго предстоитъ высказаться собранію и отъ котораго, по ея мнѣнію, зависитъ будущность всей страны. Губернская управа „полагаетъ необходимымъ съ полною искренностью заявить правительству, что земство при настоящихъ условіяхъ своей дѣятельности не можетъ принять участія въ борьбѣ правительства съ противуобщественными элементами и въ преслѣдованіи задачъ, намѣченныхъ въ циркулярѣ

г. министра внутреннихъ дѣлъ; что вопросъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ общество можетъ оказать правительству желаемое содѣйствіе, безусловно необходимое для достиженія народнаго благоденствія, можетъ получить правильное разрѣшеніе лишь при участіи въ его разсмотрѣніи уполномоченныхъ отъ земскихъ учрежденій, выбранныхъ земствомъ спеціально для этой цѣли.“ Собраніе, „раздѣляя мнѣніе губернской управы, согласное съ заключительными словами циркуляра г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 6 мая, твердо увѣрено, что правительство, строго слѣдуя началамъ, выраженнымъ верховною властью въ манифестѣ 29 апрѣля 1881 года, безотлагательно установитъ правильные способы, которые обезпечатъ наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія Высочайшихъ предначертаній. Постановлено: записать о томъ въ журналъ и въ обсужденіе вопроса по существу не входить.“[1])

Изъ уѣздныхъ собраній Новгородской губерніи въ подробное обсужденіе вопроса вошли кириловское и череповское. Первое приняло мнѣніе гл. Ѳ. М. Арнольда, признавъ его

---

[1]) „Сборникъ постановленій земск. собр. Новгородской губ. за 1881 г.“, стр. 24.

„вполнѣ обрисовывающимъ желанія и стремленія земства на пути искорененія неправды и хищенія.“ Къ сожалѣнію, это мнѣніе „не разрѣшено въ печать начальникомъ губерніи.“[1])

Въ запискѣ, представленной въ череповское уѣздное собраніе, гл. Н. Ѳ. Румянцевъ, подробно разсмотрѣвъ ходъ и судьбы реформъ прошедшаго царствованія, приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Созывъ выборныхъ отъ народа, въ качествѣ совѣщательнаго органа самодержавной власти Государя по вопросамъ законодательнымъ, представляется намъ какъ единый правильный путь, которымъ нужды, страданія и желанія всей земли могли бы достигать чистыми къ престолу; это — единственный путь, устраняющій тѣ компромиссы, которые погубили результаты Высочайшихъ реформъ прошлаго царствованія, — единственный путь, который способенъ дать должную гарантію законности и личной свободы вѣрноподданныхъ, единственное средство очистить государственное и общественное управленіе отъ хищеній, неправды и бездѣйствія, исцѣлить общество отъ апатіи и совокупными силами всей земли разсѣять крамолу.“

---

[1]) Тамъ же, стр. 23.

Съ своей стороны, коммиссія, избранная череповскимъ собраніемъ, „раздѣляя мнѣніе, что слѣдуетъ признать недостаточнымъ то содѣйствіе, которое оказывалось и только могло быть оказываемо земствомъ правительству", тѣмъ не менѣе находила, что „при настоящихъ условіяхъ весьма затруднительно проектировать какія-либо инструкціи управѣ, да къ тому же задачи, преслѣдуемыя правительствомъ, не могутъ быть достигнуты путемъ содѣйствія правительству одними исполнительными органами, къ которымъ обратился по поводу циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ г. губернаторъ. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ насъ взвѣсилъ затрудненія, которыя должны быть побѣждены правительствомъ, но коммиссія, по большинству голосовъ, не рѣшается предложить собранію войти въ разсмотрѣніе вопроса по существу, ибо откровенное по этому дѣлу мнѣніе можетъ обезпокоить высшее правительство, въ послѣднее время достаточно озабоченное уже тѣмъ, чтобъ удерживать органы печати, рядомъ карательныхъ мѣръ, отъ свободнаго выраженія мнѣній, безъ чего всѣ наши разсужденія о содѣйствіи не могутъ имѣть никакихъ послѣдствій." Это заключеніе принято череповскимъ уѣзднымъ

собраніемъ въ засѣданіи 23-го октября 1881 года[1]).

Указаніе коммиссіи на карательныя мѣры противъ печати совершенно справедливо: 1881 годъ былъ особенно тягостенъ для русской печати[2]). Независимо отъ запрещенія печатать свѣдѣнія о сужденіяхъ въ земскихъ собраніяхъ безъ разрѣшенія губернскаго начальства, были также приняты мѣры къ предупрежденію и ограниченію выхода ихъ изъ „предѣловъ." Поводъ къ этому подало тверское губернское собраніе. По обсужденіи доклада коммиссіи о преобразованіи мѣстныхъ учрежденій, оно, въ засѣданіи 23 іюня, пришло въ заключенію, что „никакія, какъ частныя, такъ и общія, мѣропріятія или реформы не могутъ достигнуть цѣли, поставленной властью, безъ предварительнаго разсмотрѣнія этихъ реформъ выборными представителями всей Русской земли. Поэтому собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о созывѣ представителей Русской земли въ особое совѣщательное учрежденіе, при содѣйствіи котораго только и могутъ быть

[1]) Тамъ же, стр. 22.

[2]) Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки, положеніе печати въ Россіи сдѣлалось, какъ извѣстно, еще много болѣе тягостнымъ.

успѣшно выработаны и проведены въ жизнь необходимыя законодательныя мѣры."

Постановленіе это было представлено министру внутреннихъ дѣлъ, который предложилъ мѣстному губернатору оставить его безъ дальнѣйшаго производства, какъ выходящее изъ круга подвѣдомственныхъ земскому собранію дѣлъ и потому недѣйствительное. Въ то же время были приняты мѣры, чтобы подобные вопросы не были возбуждаемы въ другихъ собраніяхъ. Открывая 9-го іюля чрезвычайное губернское собраніе, владимірскій губернаторъ обратился къ нему съ совершенно необычною рѣчью: „Я вполнѣ надѣюсь, — сказалъ онъ, — что собраніе не выйдетъ изъ предѣловъ программы (предназначенной для сессіи) и предоставленныхъ ему правъ и обязанностей"[1]), какъ будто ожидалось, что выходъ изъ предѣловъ неминуемо совершится. Владимірское собраніе, на этотъ разъ, прошло „благополучно", но другія собранія не замедлили высказать ту же мысль, которая заявлена тверскимъ собраніемъ и оставлена „безъ дальнѣйшаго движенія." Чрезвычайное харьковское губернское собраніе, по обсужденіи

---

[1]) „Журн. экстр. владимірск. губ. земскаго собр. 1881 г.", стр. 34. *Владимірскій земскій сборникъ* 1881 г., № 8.

проекта преобразованія крестьянскихъ учрежденій, постановило ходатайствовать, чтобы для окончательнаго рѣшенія этого вопроса былъ созванъ особый съѣздъ, въ составъ котораго вошли бы какъ лица правительственныя, такъ и депутаты отъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Череповское уѣздное земское собраніе единогласно приняло докладъ коммиссіи, въ которомъ было высказано мнѣніе, что „разрѣшеніе вопросовъ, возбужденныхъ переустройствомъ мѣстныхъ управленій, не фанатическое, а основанное на дѣйствительныхъ потребностяхъ и бытовыхъ условіяхъ страны, возможно будетъ лишь тогда, когда земствамъ будетъ предоставлено не только право дать свои отдѣльныя письменныя заключенія, но когда представители всѣхъ земствъ получатъ возможность объединить и согласить тѣ, по всей вѣроятности многообразныя, заключенія, которыя будутъ даны, частію подъ вліяніемъ особенностей мѣстныхъ, а частію подъ вліяніемъ субъективныхъ взглядовъ лицъ, заправляющихъ земскимъ дѣломъ... Если окончательная разработка этого вопроса будетъ возложена на бюрократическіе органы правительства, то весьма вѣроятно, что вниманіе будетъ обращено на тѣ изъ рѣшеній, которыя ближе подходятъ къ вкусамъ и взглядамъ этихъ

органовъ, а не большинства земствъ; въ этомъ случаѣ меньшимъ зломъ было бы остаться при существующемъ порядкѣ вещей, чѣмъ повторять опытъ 1874 г.“[1])

Высказанное земствомъ желаніе, чтобы къ участію въ разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ были призваны представители общества, въ 1881 г. получили удовлетвореніе въ формѣ приглашенія „свѣдущихъ людей“, по избранію министра внутреннихъ дѣлъ, для обсужденія различныхъ вопросовъ. Открывая „совѣщаніе“ по вопросамъ питейному и переселенческому, министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что, по волѣ Государя Императора, „земскіе свѣдущіе люди“ приглашаются во второй разъ „для того, чтобы самые жизненные вопросы страны не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ.“

Принятый правительствомъ порядокъ призыва „свѣдущихъ людей“, существенно отличающійся отъ того порядка, за который высказались земскія собранія, вызвалъ со стороны

---

[1]) Докладъ коммиссіи напечатанъ въ *Земствѣ* 1881 г., №№ 40 и 41. — Постановленіе собранія см. „Сборн. постановл. земск. собр. Новгор. губ. за 1881 г.“

послѣднихъ цѣлый рядъ заявленій. Первое высказалось херсонское губернское собраніе, единогласно принявшее, въ засѣданіи 25 сентября, заключеніе доклада управы о преобразованіи крестьянскаго управленія, „что только вызовъ свѣдущихъ людей отъ всей Россіи, правильно организованный, можетъ помочь правительству осуществить столь многотрудныя, не терпящія отлагательства, реформы, завѣщанныя еще прошлымъ славнымъ царствованіемъ.“ Болѣе опредѣленно высказались о томъ же предметѣ другія собранія. Во владимірское губернское собраніе было внесено нѣсколькими гласными слѣдующее заявленіе: „Въ послѣднее время для разрѣшенія нѣкоторыхъ государственныхъ вопросовъ были вызываемы свѣдущіе люди, которымъ, къ сожалѣнію, придается названіе людей земскихъ, такъ что всякая неудачная работа ихъ падаетъ упрекомъ на земство. Въ особенности доказательствомъ тому служитъ коммиссія по питейному вопросу, работа которой, по общему признанію, оказывается весьма неудачной. Поэтому, имѣя въ виду еще болѣе важную коммиссію о преобразованіи мѣстныхъ учрежденій, въ которую также имѣютъ быть вызваны свѣдущіе люди, мы полагали бы ходатайствовать, чтобы въ числѣ ихъ были лица, избран-

ныя земскими собраніями, которыя вѣрнѣе могутъ выяснить нужды и потребности населенія всѣхъ разнородныхъ мѣстностей, и чтобы выработанный коммиссіею проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе земскихъ собраній.“ Въ новгородскомъ губернскомъ собраніи гласный Е. И. Рагозинъ указывалъ, что призванные правительствомъ свѣдущіе люди „не могутъ быть названы земскими; они составляютъ фиктивное земское представительство и обсужденіе ими вопросовъ земско-государственной важности поселяетъ лишь недоразумѣніе въ средѣ населенія губерніи, такъ какъ ихъ мнѣнія принимаются за мнѣнія представителей земства, посланныхъ населеніемъ, между тѣмъ какъ они въ дѣйствительности выбраны министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.“ Прежній способъ участія земства въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ, выражавшійся въ передачѣ послѣднихъ на разсмотрѣніе земскихъ собраній, по мнѣнію г. Рагозина, имѣлъ значительныя преимущества передъ нынѣшнимъ: „хорошо или дурно обсуждались эти вопросы въ земскомъ собраніи, но во всякомъ случаѣ этимъ путемъ правительство могло услышать мнѣніе земства, могло узнать взглядъ законныхъ представителей населенія губерніи.“

Смоленское губернское собраніе, въ засѣ-

данiи 25 января нынѣшняго года „единогласно признало необходимымъ ходатайствовать по слѣдующимъ тремъ предметамъ:

„Во-первыхъ, такъ какъ недостатки существующаго уѣзднаго управленiя, а равно дѣйствительность тѣхъ или другихъ способовъ къ приведенiю различныхъ учрежденiй и вѣдомствъ въ стройный порядокъ, согласiе и равновѣсiе, соотвѣтственно назначенiю и законнымъ правамъ каждаго учрежденiя, близко извѣстны представителямъ земства, и такъ какъ земство особенно заинтересовано въ успѣхѣ ожидаемыхъ преобразованiй въ устройствѣ мѣстныхъ учрежденiй, то собранiе, желая только пользы дѣлу и успѣшнаго устройства вышеозначенныхъ учрежденiй, рѣшается почтительнѣйше ходатайствовать о томъ, чтобы земство было призвано къ участiю въ разработкѣ обсуждаемыхъ нынѣ вопросовъ по переустройству губернскихъ и уѣздныхъ учрежденiй, или же чтобы земству была, по крайней мѣрѣ, предоставлена возможность высказаться по имѣющимъ быть составленными Высочайше утвержденною правительственною коммиссiею предположенiямъ по этому предмету.

„Во-вторыхъ, если правительству будетъ угодно призвать земство для выслушанiя его мнѣнiй, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и

по другимъ вопрасамъ, то собраніе считаетъ долгомъ заявить о необходимости, чтобы представители земства указывались каждый разъ губернскими земскими собраніями. Вызываемыя лица только въ томъ случаѣ могутъ выражать мнѣніе земства, когда они имъ на то уполномочены. Земство очень хорошо знаетъ, кто изъ его членовъ лучше знакомъ съ тѣмъ или другимъ изъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ данное время, а при разнообразіи предметовъ вѣдѣнія земства ни отъ одного изъ гласныхъ нельзя требовать равнаго знакомства со всѣми обсуждаемыми вопросами, и самый вліятельный, излюбленный въ земствѣ гласный можетъ быть мало знакомъ съ нѣкоторыми изъ обсуждаемыхъ предметовъ, такъ что для одного предмета земство можетъ указать однихъ уполномоченныхъ, а для другаго предмета — другихъ лицъ. Только несоблюденіемъ этого правила можно объяснить неудачу въ совѣщаніяхъ земскихъ „свѣдущихъ людей" по питейному вопросу.

„Въ-третьихъ, къ предъидущимъ двумъ ходатайствамъ собраніе признало необходимымъ присовокупить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство признаетъ нужнымъ вызвать уполномоченныхъ земства для выслушанія мнѣній, желаній и практическихъ указаній по тому

или другому предмету, было бы не только полезно, но и справедливо, чтобы ни одна губернія не была устраняема отъ участія въ этомъ совѣщаніи, въ виду того, что интересы каждой изъ нихъ могутъ быть затронуты и нарушены тѣмъ или другимъ способомъ рѣшенія каждаго вопроса, по незнанію мѣстныхъ особенностей той или другой губерніи. Необходимость такого заявленія собранія оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что при обсуждавшихся въ 1881 году съ участіемъ земства трехъ вопросахъ: выкупномъ, питейномъ и переселенческомъ, не было ни одного члена отъ смоленскаго земства, и вопросы эти рѣшались безъ принятія въ соображеніе мѣстныхъ обстоятельствъ нашего земства, хотя эти три вопроса для Смоленской губерніи важнѣе, чѣмъ для многихъ другихъ губерній.“[1])

Въ петербургскомъ губернскомъ собраніи, въ засѣданіи 20 января, состоялось слѣдующее постановленіе: принимая во вниманіе, что трудами коммиссіи для изслѣдованія условій, вредно вліяющихъ на экономическое положеніе С.-Петербургской губерніи, затронуты общіе земскіе вопросы, касающіеся интересовъ Петербургской губерніи, что при обсужденіи этихъ

---

[1]) *Земство* 1882 г., № 20.

вопросовъ въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи они, по своей общности, не могутъ быть разработаны во всей полнотѣ; что успѣшность ихъ полной и всесторонней разработки можетъ быть въ особенности обезпечена путемъ совѣщанія лицъ, избранныхъ земствомъ всей Имперіи, — петербургское губернское земское собраніе, въ отвѣтъ на циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ (22 декабря 1880 года, № 9), постановило: представить правительству докладъ коммиссіи со всѣми къ нему приложеніями и заключеніями собранія и высказать глубокое убѣжденіе въ той несомнѣнной пользѣ, которую принесло бы благосостоянію Петербургской губерніи привлеченіе избранныхъ самимъ земствомъ представителей къ участію въ законодательной разработкѣ затронутыхъ коммиссіею вопросовъ, а также предоставленіе этимъ, избраннымъ земствами, лицамъ возможности обсуждать общіе вопросы земскаго хозяйства совмѣстно съ представителями другихъ земствъ Имперіи.“ Мотивомъ для этого ходатайства послужило слѣдующее заключеніе коммиссіи:

„Заканчивая свой докладъ, коммиссія считаетъ нужнымъ оговориться по поводу заключеній, высказанныхъ уѣздными земскими собраніями: царско-сельскимъ, шлиссельбургскимъ

и гдовскимъ. Изъ напечатанныхъ въ приложеніи къ сему докладу отзывовъ этихъ собраній видно, что сущность ихъ заключеній состоитъ въ томъ, что затронутые ими административные вопросы могутъ быть разработаны съ большимъ успѣхомъ на совѣщаніяхъ правильно избранныхъ представителей всѣхъ земствъ Имперіи. Коммиссія, съ своей стороны, соглашается въ основаніями такого вывода. Коммиссія полагаетъ только, что вышеупомянутыя совѣщанія правильно избранныхъ представителей всѣхъ земствъ Имперіи не должны быть ограничены задачею преобразованія крестьянскаго или мѣстнаго управленія. Настоящая наша работа возникла изъ сознанной правительствомъ и обществомъ потребности въ улучшеніи крестьянскаго быта и въ поднятіи благосостоянія народныхъ массъ вообще. Способы къ достиженію такой цѣли многочисленны и разнообразны. Способы эти можно видѣть и въ преобразованіи податей, и въ улучшеніи финансовой системы вообще, и въ развитіи народнаго труда, и въ переустройствѣ мѣстнаго управленія на началахъ большей автономіи, и въ большемъ развитіи народнаго образованія и т. д., и т. д. Взгляды могутъ расходиться относительно значенія каждаго изъ такихъ способовъ и касательно свое-

временности обращенія къ каждому изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что они состоятъ между собою въ тѣсной связи. Опытъ и сила вещей приводятъ къ тому неминуемому явленію, что земскія учрежденія находятся въ постоянномъ общеніи съ правительствомъ относительно многихъ мѣропріятій изъ сферы народнаго хозяйства, что́ между прочимъ вполнѣ видно изъ того, что земскія собранія ежегодно заявляютъ правительству свои соображенія о разнообразнѣйшихъ предметахъ, и не справляясь съ иной очередью, какъ лишь съ наиболѣе ощущаемою въ извѣстную минуту потребностью. Коммиссіи представляется очевиднымъ, что разработка такихъ единовременно, но разрозненно возникающихъ вопросовъ земскаго хозяйства, въ учрежденіи, состоящемъ изъ представителей всѣхъ земствъ Имперіи, можетъ дать только плодотворный результатъ и ускорить ихъ осуществленіе. При такомъ порядкѣ не представится затрудненій къ соглашенію противорѣчивыхъ, иногда, мнѣній отдѣльныхъ земствъ, а сопоставленіе такихъ соглашенныхъ мнѣній съ замѣчаніями, могущими послѣдовать отъ правительственныхъ органовъ, можетъ доставить самодержавной власти прочныя и зрѣло обдуманныя основанія для всѣхъ необходимыхъ законодательныхъ мѣръ.“

Въ очередное харьковское губернское собраніе 1881 года была внесена, за подписью 22 гласныхъ, слѣдующая записка: „Высочайшимъ манифестомъ 29-го апрѣля сего года положено было начало преобразованію внутренняго строя общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ возвѣщенъ былъ, обращенный ко всему народу, призывъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ и возможности предначертаніямъ правительства. Преобразовательныя эпохи, подобныя переживаемой нами, представляя собою наиболѣе тяжелые моменты исторической жизни народа, сами по себѣ требуютъ напряженія всѣхъ дѣятельныхъ силъ страны и искренняго ихъ содѣйствія дѣлу обновленія. Царское слово усиливаетъ еще эту обязанность могуществомъ того обаянія, какое оно заключаетъ въ себѣ для русскаго человѣка. Не можетъ въ такое время оставаться безучастнымъ и безмолвнымъ земское собраніе представителей интересовъ цѣлой губерніи. Такъ или иначе оно должно отозваться на призывъ Монарха и выполнить тѣмъ нравственный долгъ свой передъ избирателями. Вѣрноподданическое и откровенное изложеніе взгляда на общее положеніе дѣлъ и на способы, коими въ возможно большей степени обезпечивалось бы достиженіе намѣченной правительствомъ цѣли, исходя изъ со-

бранія, будетъ служить выраженіемъ общественнаго голоса цѣлой мѣстности.

„Упадокъ экономическаго благосостоянія всѣхъ классовъ общества; неравномѣрная податная тягость, препятствующая накопленію какихъ бы то ни было сбереженій недостаточными классами; неопредѣленность правъ и обязанностей управляющихъ и управляемыхъ; формально канцелярскіе порядки, тормозящіе всякое дѣло; низкій уровень образованія массы; шаткость понятій о долгѣ и собственности, усиливающаяся безнаказанностью преуспѣвающаго на всѣхъ путяхъ хищенія, и затруднительность свободнаго обсужденія мнѣній — породили такое шатаніе мысли и такую неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, при которыхъ правильное теченіе общественной жизни перестаетъ быть устойчивымъ и можетъ быть колеблемо всякимъ случайнымъ общественнымъ бѣдствіемъ. Характерные признаки неспокойнаго состоянія умовъ выразились и въ еврейскихъ безпорядкахъ, и въ непрекращающихся въ народѣ толкахъ о передѣлѣ земли, переходящихъ мѣстами въ самовольные захваты, и, наконецъ, въ томъ всеобщемъ напряженномъ состояніи ожиданія и неудовлетворенности, въ какомъ находятся всѣ классы общества.

„Новыя начала, введенныя въ русскую жизнь великою работой прошлаго царствованія, видимо оказываютъ свое дѣйствіе: реформированному Александромъ II обществу становится тѣсно въ экономическихъ и духовныхъ путахъ, составляющихъ наслѣдіе дореформеннаго времени. Общественная мысль требуетъ самодѣятельности, а здоровыя народныя силы, сдерживаемыя неблагопріятными условіями, — свободнаго ихъ приложенія. Общество ожидаетъ, что въ такомъ именно направленіи проведены будутъ возвѣщенныя правительствомъ преобразованія; что оно не ограничится поверхностнымъ исправленіемъ частностей, а представитъ собою измѣненіе системы, въ основѣ которой лежало недовѣріе къ обществу и, какъ слѣдствіе такого недовѣрія, подозрительная опека всѣхъ отраслей общественной жизни и тщательное устраненіе всякаго проявленія самодѣятельности. Всѣмъ извѣстно, какъ, при господствѣ этой системы, самыя великодушныя предначертанія власти искажались исполнителями; какъ, издаваемые на пользу страны, законы оказывались имѣющими прямо обратное дѣйствіе; какъ постепенно падали благосостояніе и духовная жизнь народа, несмотря на стремленіе предусмотрѣть мельчайшее зло. Въ попечительномъ вниманіи къ

нуждамъ населенія не доставало существенной части — голоса самого народа, устраняемаго системой недовѣрія. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы результаты этой системы измѣнили свой характеръ, если, при разработкѣ плана преобразованія и послѣдовательнаго проведенія въ жизнь законодательныхъ его подробностей, не отведено будетъ надлежащаго мѣста свободному выраженію общественнаго мнѣнія. Въ призывѣ экспертовъ сказалось уже желаніе самого правительства, обратиться къ этому единственно не ложному источнику познанія истинныхъ потребностей страны и времени; но обращеніе въ такой формѣ носитъ въ себѣ явственный слѣдъ той же системы; оно не довѣряетъ еще самому обществу назвать тѣхъ, кого оно считаетъ своими излюбленными людьми, кому можетъ довѣрить и говорить его именемъ, на чью отвѣтственность возлагаетъ сказать правду, и только правду, своему Царю.

„Не наше дѣло касаться вопроса, ка́къ достигнуть того, чтобъ эти избранные явились дѣйствительными выразителями народной мысли: это — задача государственная. Мы говоримъ только, что въ довѣрчивомъ призывѣ такихъ людей и въ свободномъ обсужденіи ихъ дѣятельности заключается наилучшее обез-

печеніе общественнаго содѣйствія предначертаніямъ правительства. Такова наша мысль, которую мы представляемъ на обсужденіе собранія.“[1])

Въ засѣданіи 18-го декабря, по выслушаніи заключенія редакціонной коммиссіи, собраніе, большинствомъ всѣхъ противъ 3 голосовъ, постановило: „Относясь съ чувствомъ признательности къ желанію правительства узнавать мнѣнія общества чрезъ посредство свѣдущихъ людей, призываемыхъ для участія въ разработкѣ различныхъ вопросовъ, передаваемыхъ на ихъ обсужденіе, губернское земское собраніе, въ видахъ доставленія обществу возможности содѣйствовать правительству въ стремленіи его ознакомиться съ потребностями населенія, поручаетъ губернской управѣ ходатайствовать передъ правительствомъ, отъ имени собранія, объ установленіи, взамѣнъ существующаго порядка выбора свѣдущихъ людей, такихъ основаній для выбора ихъ, которыя обезпечивали бы возможность видѣть въ свѣдущихъ людяхъ дѣйствительныхъ представителей общества.“[2])

Здѣсь приведены только тѣ постановленія

---

[1]) „Журн. XVII очер. земск. собр. Харьковской губ.“, стр. 353.

[2]) Тамъ же, стр. 424.

губернскихъ собраній, которыя были подробно мотивированы; въ томъ же смыслѣ высказались и другія собранія. Всего за приглашеніе свѣдущихъ людей по выбору земскихъ собраній высказалось, въ той или другой формѣ, *двѣнадцать* губернскихъ собраній: херсонское, владимірское, новгородское, псковское, харьковское, казанское, полтавское, костромское, петербургское, калужское, бессарабское и смоленское. Предложеніе о такомъ ходатайствѣ было внесено и въ самарское губернское собраніе гл. Нудатовымъ, но предсѣдатель не пустилъ его на обсужденіе, закрывъ засѣданіе. Слѣдующее за тѣмъ засѣданіе не состоялось за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ.

Всѣ эти ходатайства явились не чѣмъ инымъ, какъ отвѣтомъ на запросы самого правительства: обсуждая вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія, земскія собранія не могли не высказать своего мнѣнія и о способахъ окончательнаго обсужденія и разрѣшенія этого жизненнаго вопроса. Въ то же время изложенное въ циркулярѣ графа Игнатьева отъ 6-го мая обѣщаніе, что „правительство приметъ безотлагательныя мѣры, чтобъ установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія Вы-

сочайшихъ предначертаній“, не могло не вызвать со стороны земскихъ представителей заявленія о тѣхъ способахъ „живаго участія мѣстныхъ дѣятелей“, которые въ ихъ глазахъ представляются наиболѣе правильными, тѣмъ болѣе, что первый, сдѣланный правительствомъ въ этомъ направленіи, опытъ оказался несоотвѣтствующимъ земскимъ желаніямъ. Несмотря на такую постановку дѣла, нѣкоторыя изъ заявленій земскихъ собраній постигла неожиданная участь: они были опротестованы губернаторами, признавшими ихъ „недѣйствительными и неподлежащими *ни исполненію*, ни дальнѣйшему производству.“[1]) Такое отношеніе представителей власти къ отвѣтамъ земства на запросы правительства представляется до крайности страннымъ.

Земство высказываетъ свои мнѣнія для того, чтобы довести ихъ до свѣдѣнія правительства, чтобы познакомить послѣднее съ существующими въ средѣ мѣстнаго общества воззрѣніями, которыя инымъ путемъ до него дойти не могутъ, а мѣстные правительственные органы, запрещая „дальнѣйшее производство“, скрываютъ эти заявленія отъ правительства, заго-

---

[1]) См. протестъ херсонскаго губернатора. *Сборникъ Херс. земск.* 1881 года, № 4.

раживая отъ него общество. Если мнѣнія общественныхъ собраній будутъ доходить до правительства въ редакціи, прошедшей губернаторскую цензуру, то центральная власть рискуетъ получать невѣрныя или, по меньшей мѣрѣ, неполныя свѣдѣнія; оно можетъ быть введено въ заблужденіе и основать свои мѣропріятія на такихъ общественныхъ желаніяхъ, которыя, быть можетъ, отнюдь не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Или губернаторы, говоря словами череповской коммиссіи, опасаются „обезпокоить высшее правительство" сообщеніемъ мнѣній, на ихъ взглядъ, идущихъ въ разрѣзъ съ мнѣніями правительства? Но такое опасеніе, если оно существуетъ, лишено всякаго основанія: правительство, основывающее свою силу на „преданности и безпредѣльной любви многомилліоннаго народа", на „тѣсномъ и неразрывномъ союзѣ" верховной власти съ народомъ, „при беззавѣтномъ служеніи и просвѣщенномъ содѣйствіи всѣхъ лучшихъ сыновъ родной земли", не можетъ быть обезпокоено честно и откровенно высказанными мнѣніями преданныхъ престолу общественныхъ представителей. Отъ него зависитъ уважить или нѣтъ желанія общества, но знакомство съ ними для него безусловно полезно: въ откровенномъ, прямомъ обмѣнѣ мнѣній между об-

ществомъ и властью лежитъ одинъ изъ надежнѣйшихъ залоговъ взаимнаго довѣрія и порядка. Многовѣковый опытъ убѣдительно доказалъ, что гоненіе на мысль не въ силахъ ее уничтожить: оно можетъ на время заглушить ее, совратить съ прямаго пути, дать ей ложное, и потому дѣйствительно вредное, направленіе.

Излагая мнѣнія земскихъ собраній по вопросу о нашемъ современномъ положеніи и о способахъ къ его улучшенію, мы не можемъ обойти молчаніемъ одного любопытнаго документа, идущаго въ разрѣзъ со всѣмъ вышеизложеннымъ, рѣзкимъ диссонансомъ звучащаго въ земскомъ концертѣ. Мы говоримъ о „краткой" запискѣ Д. К. Глинко — о „мѣрахъ къ искорененію крамолы въ Имперіи", внесенной въ очередное смоленское губернское собраніе 1880 года. „Появленіе въ Имперіи крамольной партіи, члены которой именуютъ себя соціалъ-демократами, и упорное преслѣдованіе ею своихъ преступныхъ цѣлей, несмотря на мѣры, принятыя правительствомъ, — говорилъ г. Глинко, — невольно заставляетъ предполагать, во-первыхъ, существованіе въ отечествѣ нашемъ почвы, удобной для произрастанія крамольнаго сѣмени, и, во-вторыхъ, недостаточность принятыхъ правительствомъ охранитель-

ныхъ мѣръ.“ По словамъ автора записки, „соціалъ-демократы“ появились у насъ только въ 1861 г. и это обстоятельство особенно знаменательно: „причиной появленія этой партіи на Западѣ было неудовлетворительное экономическое положеніе рабочаго класса и непомѣрная эксплоатація его капиталистами. У насъ вышло совсѣмъ наоборотъ. Въ то время, когда масса народа страдала подъ игомъ крѣпостнаго права, когда рабочій классъ эксплоатировался наиболѣе, соціалъ-демократами даже и не пахло. Когда же экономическое положеніе рабочаго класса было обставлено всевозможными гарантіями, *въ ущербъ матеріальнаго положенія высшаго сословія въ государствѣ*, тогда-то и появилось это зловредное ученіе и стало развиваться съ ужасающею быстротой, не вызывая никакого активнаго сопротивленія со стороны общества, противъ котораго оно направлено. Ясно, что это явленіе ненормальное и болѣзненное и что оно было вызвано у насъ не реальною потребностью, а неправильнымъ развитіемъ всего общества, начавшимся съ 1861 г. и продолжающимся до сего времени.“

Безуспѣшность принятыхъ правительствомъ охранительныхъ мѣръ обусловливается тѣмъ, что онѣ направлены „не на корень зла, а на

его вѣтви“: онѣ „направлены только противъ городовъ“, тогда какъ „корень этого болѣзненнаго растенія питается деревнями и селами, а вѣтви его охватываютъ наши города.“ Нынѣшнее положеніе деревни ужасно: „Вмѣстѣ съ авторитетомъ отжившей власти помѣщика, были неосторожно поколеблены и всѣ другіе властные авторитеты. Всѣ традиціи были уничтожены и только однѣ деньги остались единственною реальною силой, предъ которою преклонилось все.“ Деревня, „несмотря на многолѣтнія усилія правительства и земства въ дѣлѣ народнаго образованія, до сихъ поръ представляетъ, и долго еще будетъ представлять, безформенную, темную массу народа, находящуюся подъ непосредственнымъ управленіемъ такой же темной волостной и сельской администраціи и вѣчно пьянаго волостнаго суда... Деморализованная такимъ образомъ и оставленная на произволъ, деревня съ каждымъ годомъ открываетъ болѣе обширное поле для всевозможныхъ агитацій и надеждъ на осуществленіе самыхъ несбыточныхъ и преступныхъ бредней. По отдаленности же деревни отъ всякаго сильнаго органа власти, уваженіе къ этой власти теряетея совершенно и темная масса проникается незрѣлыми революціонными идеями.“

Выяснивъ причины появленія крамолы, г. Глинко проектируетъ и мѣры. „Чтобы положить конецъ такому вредному направленію деревни и уничтожить зло въ самомъ его корнѣ, необходимо: 1) создать сильную и *разумно-консервативную* волостную администрацію, вооружить ее полицейскими органами, способными держать *въ должномъ порядкѣ* все мѣстное населеніе; 2) необходимо дать деревнѣ трезвый, для всѣхъ одинаковый, разумный и скорый, нелицепріятный судъ; 3) наконецъ, необходимо обратить вниманіе на положеніе нашего сельскаго хозяйства и постараться поставить его на ту степень возможнаго развитія, которое бы, не представляя никакихъ выгодъ для хищниковъ, вновь могло бы привлечь къ себѣ нашу интеллигенцію, толкущуюся теперь въ городахъ безъ всякой пользы для народа и государства. Все остальное приложится.“

Собраніе, по предложенію предсѣдателя, единогласно постановило: признавъ настоящую записку неподлежащею своему обсужденію, представить таковую на усмотрѣніе правительства[1]). Любопытно, что это постановленіе

---

[1]) „Журн. XVI очер. смоленскаго губ. земск. собр.“, январь 1880 г., стр. 14 и 267.

было опротестовано губернаторомъ, на томъ основаніи, что записку г. Глинко собраніе „не должно было принимать къ своему разсмотрѣнію“[1]).

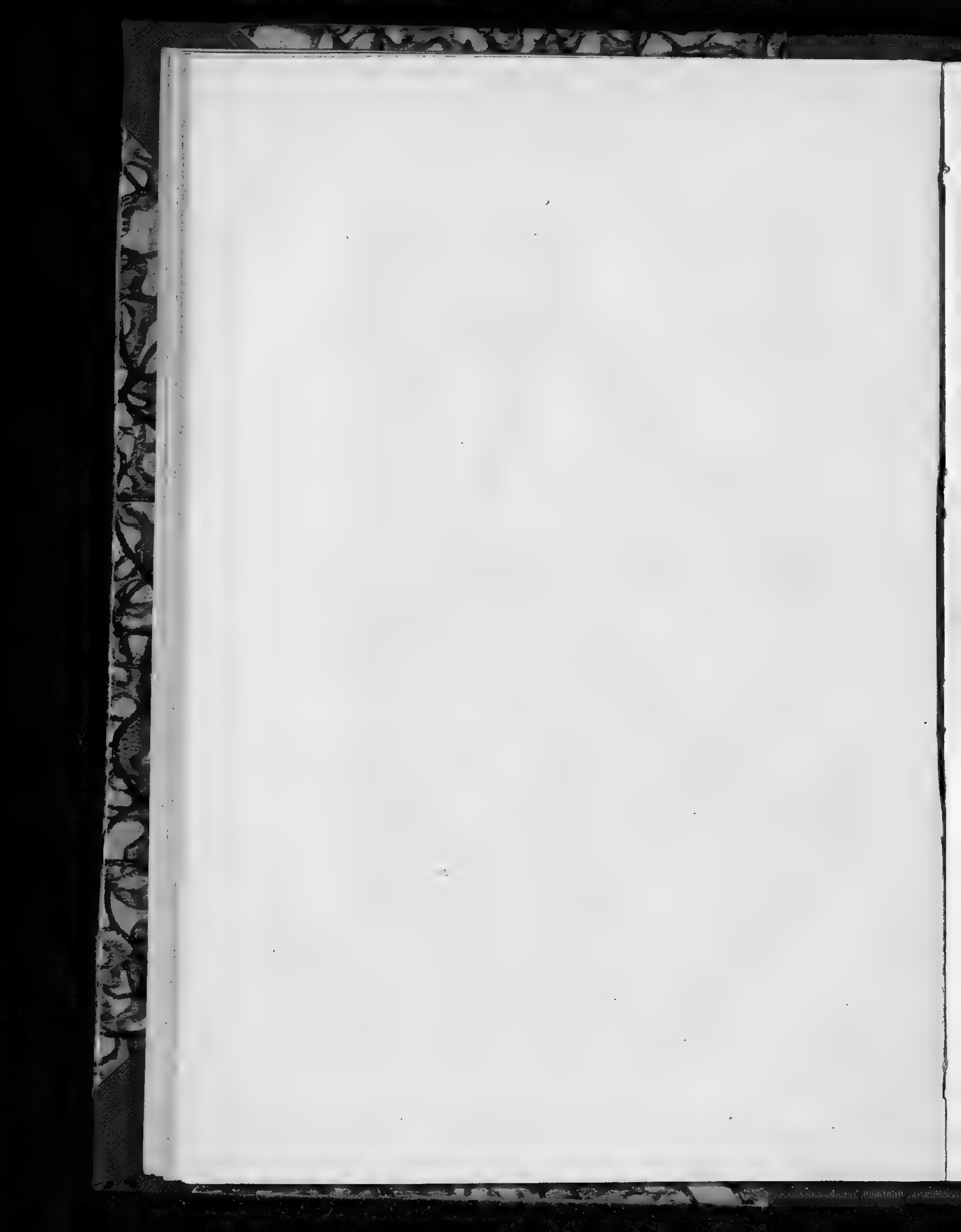
Заявленія, подобныя изложеннымъ, стали дѣлаться въ общественныхъ собраніяхъ лишь въ недавнее время. Въ теченіе первыхъ тринадцати лѣтъ своего существованія земскія собранія воздерживались отъ возбужденія политическихъ вопросовъ; они часто обращались съ ходатайствами къ правительству, но всѣ эти ходатайства касались или отмѣны отдѣльныхъ устарѣвшихъ законовъ, или частныхъ мѣстныхъ вопросовъ. Пока не нарушался правильный ходъ государственной жизни, общественные органы не выходили изъ предоставленнаго имъ круга дѣятельности; но какъ только порядокъ нарушился, какъ только стала ощутительной потребность въ напряженіи всѣхъ силъ страны для искорененія волновавшихъ общество и нарушавшихъ его спокойствіе явленій, земскіе представители не могли оставаться равнодушными свидѣтелями совершавшагося и сочли своимъ долгомъ войти въ раз-

---

[1]) „Журн. чрезвыч. смоленск. губ. земск. собр.“, 5 марта 1880 г.

смотрѣніе причинъ ненормальности современнаго положенія и предложить правительству свою помощь. Но и тутъ обнаружилась большая сдержанность: общественныя собранія на первое время не шли дальше заявленія своей преданности Государю и готовности идти по тому пути, который будетъ указанъ властью, и только тогда стали высказывать свои пожеланія, когда само правительство признало нужнымъ „призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа.“ Первый поводъ къ обсужденію способовъ, посредствомъ которыхъ земство могло бы „содѣйствовать власти въ дѣлѣ возстановленія общественнаго спокойствія“, подало земскимъ собраніямъ опубликованное 20 августа 1878 г. „правительственное сообщеніе.“ На него откликнулись пять губернскихъ собраній — харьковское, тверское, черниговское, полтавское и самарское, изъ которыхъ только первому удалось довести свои мнѣнія до свѣдѣнія правительства. Послѣ этого, въ виду событій, ознаменовавшихъ послѣдніе годы, работа общественной мысли не прекращалась. Нѣкоторые, чрезвычайно скромные и неясные, намеки на необходимость измѣненій въ государственномъ строѣ были сдѣланы во всеподданнѣйшихъ адресахъ по поводу двадцатипятилѣтія царствованія покойнаго Го-

сударя (напримѣръ, адресъ тульскаго дворянства). Наконецъ, когда событія приняли угрожающій характеръ, когда разразилась катастрофа 1-го марта, мысль, давно уже распространенная въ обществѣ, стала высказываться въ формѣ болѣе ясной и опредѣленной. Сущность всѣхъ изложенныхъ нами, на основаніи подлинныхъ документовъ и ихъ словами, земскихъ заявленій сводится къ желанію, чтобъ общественной дѣятельности былъ открытъ болѣе широкій просторъ, чтобъ отношеніе правительства къ обществу сдѣлалось болѣе довѣрчивымъ, чтобы общественнымъ представителямъ было предоставлено участіе въ разработкѣ жизненныхъ законодательныхъ вопросовъ. Далѣе этого скромнаго желанія земскія собранія не идутъ: они ходатайствуютъ только объ установленіи способовъ общенія верховной власти съ народомъ, — общенія, которое должно имѣть послѣдствіемъ укрѣпленіе власти и обезпеченіе народнаго благосостоянія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Заявленіе гласныхъ Тверскаго губернскаго земскаго собранія 1879 г.

20-го Ноября 1878 года, Государю Императору благоугодно было обратиться, въ Москвѣ, къ представителямъ всѣхъ сословій, знаменательными, полными глубокаго значенія словами:

„Я надѣюсь, сказалъ Государь, на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ намъ утѣшеніе, видѣть дорогое наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ и законнымъ путемъ! Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь-же дорогое вамъ, какъ и мнѣ!“

Новое преступленіе въ Харьковѣ — убійство кн. Крапоткина, обязываетъ земство Тверской Губерніи возстать, согласно призыву Монарха, на борьбу съ

постоянно возрастающимъ зломъ. Мудрыя слова Государя Императора должны руководить земство на томъ пути охраненія основъ общественной и государственной жизни, на который насъ призываетъ само правительство въ сообщеніи своемъ, напечатанномъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ № 186, 1878 года.

Постепенно повторяющіяся политическія преступленія и убійства дѣлаютъ очевиднымъ, что одной кары, поражающей преступниковъ, недостаточно для искорененія зла: они суть только внѣшніе признаки общихъ глубокихъ недуговъ, кроющихся въ нашемъ общественномъ организмѣ и заставляющихъ глубоко страдать каждаго честнаго и добраго гражданина русскаго, и мы считаемъ долгомъ вѣрноподданныхъ указать на источники этихъ недуговъ и на условія, при которыхъ они крѣпнутъ и развиваются. Великія реформы нынѣшняго царствованія, призвавшія къ новой жизни цѣлые слои общества, положили начало новому государственному строю, основой котораго должно быть просвѣщеніе; при немъ только и возможно надлежащее пользованіе Высочайше дарованными правами и исполненіе обязанности, съ этими правами сопряженныхъ. Твердое убѣжденіе земства въ необходимости самаго широкаго распространенія свѣта, благаго просвѣщенія во всѣхъ слояхъ общества, создало земскія народныя школы. Земство напрягаетъ всѣ силы къ развитію

этого дѣла; оно стремится привлечь къ нему всѣ лучшія силы общества и считаетъ себя вправѣ разчитывать на полную поддержку въ этой трудной работѣ со стороны Правительства. Но къ крайнему сожалѣнію оно встрѣтило на этомъ пути препятствія, не лежащія въ сущности дѣла, чисто внѣшнія, исходящія изъ того учрежденія, отъ котораго оно должно было ждать только поддержки.

Вмѣсто содѣйствія въ заботахъ о развитіи просвѣщенія, земство встрѣчаетъ ограниченія своей иниціативы, ему предоставляютъ одну хозяйственную сторону дѣла и тѣмъ устраняютъ возможность поставить школу такъ, чтобы она служила разсадникомъ истиннаго образованія, лучшаго оплота противъ вредныхъ ученій. Между тѣмъ министерство Народнаго Просвѣщенія, устраняющее земство отъ участія въ дѣлѣ народнаго образованія, само не въ силахъ оградить отъ вредныхъ вліяній среднія учебныя заведенія, которыми оно наиболѣе занято. И мы, съ тяжелымъ чувствомъ, должны заявить, что въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣти наши впервые подпадаютъ вліянію вредныхъ лжеученій, находящихъ себѣ еще благопріятную почву и въ ненормальномъ строѣ самихъ заведеній. Ежегодно восьмая часть всего числа учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не окончивая курса и выходя изъ нихъ лишенная будущности, образуетъ среду, въ которой находятъ себѣ особое сочувствіе всякія

противуобщественныя идеи. Что-же касается оканчивающихъ курсъ, то, поступая въ высшія учебныя заведенія, они становятся въ самыя неблагопріятныя для ихъ развитія условія, встрѣчая подозрительность и стѣсненія, при которыхъ невозможно спокойное занятіе наукой, и при которыхъ, напротивъ, развиваются недовольство и озлобленіе, неоднократно проявляющіяся въ студенческихъ волненіяхъ, сдѣлавшихся за послѣднее время обычными. Не при этихъ условіяхъ можетъ развиться въ средѣ молодежи уваженіе къ закону, столь необходимое для всякаго общества и столь слабо въ нашемъ обществѣ развитое. Блага просвѣщенія даются не одними только учебными заведеніями но и общественными учрежденіями, между которыми наиболѣе существенны самоуправленіе, самостоятельность личности, строго огражденной въ ея правахъ, независимый судъ и свободная печать.

Государь Императоръ даровалъ русскому обществу земское самоуправленіе, въ которомъ нельзя не видѣть залога мирнаго, законнаго развитія народа. Но, къ сожалѣнію, дальнѣйшія административныя распоряженія стѣснили кругъ дѣятельности земства, лишивъ его всякаго самостоятельнаго значенія до того, что самыя скромныя ходатайства земства о его насущныхъ нуждахъ, не только остаются неудовлетворенными, но даже не удостоиваются отвѣта. Независимый, правый, скорый и

милостивый судъ есть одно изъ необходимыхъ условій, ограждающихъ правильное теченіе жизни и поддерживающихъ чувство законности, безъ котораго Государство существовать не можетъ. Такой судъ Высочайше дарованъ намъ 20-го Ноября 1864 года. Но вслѣдствіе различныхъ административныхъ распоряженій, значеніе суда подрывается въ корнѣ; увѣренность въ силѣ закона, охраняемаго судомъ, колеблется; судъ и законъ перестаютъ охранять личность, вполнѣ подчиненную произволу администраціи. Такимъ образомъ подготовляется самая благопріятная почва для развитія и распространенія анархическихъ идей.

Анархическія идеи могли бы встрѣтить себѣ опаснаго врага въ печати, но и печать, какъ извѣстно, лишена возможности самостоятельно разработывать общественные вопросы, и въ то время какъ число подпольныхъ органовъ ростетъ, органы легальной прессы одинъ за другимъ принуждены прекращать свое существованіе.

Всѣ исчисленныя неблагопріятныя условія нашей общественной жизни особенно тягостно чувствуются теперь, когда русское общество, потратившее громадную массу силъ во внѣшней борьбѣ, пришло къ убѣжденію въ совершенной невозможности для него борьбы съ внутреннимъ зломъ, въ томъ случаѣ, если всѣ упомянутыя условія, порождающія это зло, не будутъ устранены Правительствомъ, имѣющимъ къ

тому полную возможность. Государь Императоръ, въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига Болгарскаго народа, призналъ необходимымъ даровать этому народу истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати. Земство Тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что Русскій народъ, съ такою полною готовностью, съ такою беззавѣтною любовью къ своему Царю-Освободителю, несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми-же благами, которыя однѣ могутъ дать ему возможность выдти, по слову Государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія.

II.

Докладъ Коммиссіи Черниговскаго губернскаго земскаго собранія 1879 г.

Въ № 186 Правительственнаго Вѣстника за 1878 г. напечатано правительственное сообщеніе, приглашающее всѣхъ гражданъ и всѣ сословія Россіи помочь правительству въ дѣлѣ борьбы противъ возмутительныхъ злодѣяній, имѣвшихъ мѣсто въ недавнее время. Правительство признаетъ, что только помощь Русскаго народа дастъ ему силу, способную уничтожить зло.

Такой призывъ не можетъ не найти отвѣта среди Земства Черниговской губерніи, которое должно тѣмъ ближе принимать къ сердцу эту задачу, что, представляя собою часть всего русскаго земства, а слѣдовательно и совокупность всѣхъ лицъ и сословій, тѣмъ самымъ живо чувствуетъ и переноситъ на себѣ всѣ несчастія, переживаемыя Русскимъ народомъ. Глубокія вѣрноподданическія чувства къ нашему Государю и безпредѣльная любовь къ нашей родинѣ заставляютъ насъ выразить Правительству

тѣ соображенія, надлежащая оцѣнка которыхъ, по нашему разумѣнію, быть можетъ, поможетъ Русскому народу залѣчить раны, такъ жестоко ему наносимыя.

Событія послѣдняго времени достаточно ясно показали, что карательныя, репрессивныя мѣры безсильны остановить потокъ вредныхъ идей, проникающихъ въ общественный организмъ и поражающихъ отдѣльныхъ его членовъ. Если же уголовныя кары, которыя, по нашему уложенію, строже всѣхъ другихъ Европейскихъ законодательствъ, недостаточны чтобы устрашить заблуждающихся, значить есть причины, роковымъ образомъ производящія прискорбныя явленія, значитъ въ самомъ нашемъ общественномъ организмѣ существуетъ болѣзненный процессъ, требующій не мѣстнаго, а общаго лѣченія.

Думать, что идеи, а въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости, значитъ игнорировать исторію развитія и распространенія идей.

Идея живетъ и распространяется, когда находитъ почву для своей жизни и умираетъ какъ только такой почвы нѣтъ. Положеніе русскаго общества, по нашему глубокому убѣжденію, представляетъ въ настоящую минуту всѣ условія для процвѣтанія идей, противныхъ государственному строю, противныхъ желаніямъ правительства и лю-

дей, признающихъ что прочно и надежно лишь мирное развитіе общественныхъ учрежденій. Поэтому борьба противъ отдѣльныхъ лицъ будетъ оставаться безплодною, такъ какъ условія останутся тѣ же и на мѣстѣ каждаго пораженнаго члена немедленно явится нѣсколько новыхъ.

И такъ, чтобы сознательно идти къ своей задачѣ и чтобы уяснить, что́ можетъ сдѣлать земство, т. е. самъ Русскій народъ, для излѣченія опаснаго недуга — необходимо обратиться къ анализу причинъ, его породившихъ. Такихъ главныхъ причинъ, на ряду съ другими, менѣе важными, по мнѣнію земства, три:

1) Организація среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.
2) Отсутствіе свободы слова и печати.
3) Отсутствіе среди русскаго общества чувства законности.

Великія реформы нынѣшняго царствованія создали въ обществѣ новыя потребности. Крестьянская реформа заставила, жившаго прежде крѣпостнымъ трудомъ, дворянина искать средствъ къ существованію въ своемъ личномъ трудѣ; онѣ же открыли возможность прежнему крѣпостному искать положенія, болѣе обезпеченнаго. Реформы судебныя и земскія, устройство сѣти желѣзныхъ дорогъ, всякаго рода промышленныя предпріятія вызвали огромный спросъ на болѣе или менѣе образованныхъ

людей. Понятно, что это прежде всего должно было отразиться на среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ это самое время организація ихъ подверглась коренной реформѣ. Земство не признаетъ себя компетентнымъ въ обсужденіи и указаніи недостатковъ педагогической стороны этой организаціи: но, тѣмъ не менѣе, результаты ея даютъ возможность констатировать полное отсутствіе гармоніи между школой и жизнью. Съ одной стороны, значительное число лицъ не попадаетъ въ среднія учебныя заведенія по малочисленности послѣднихъ; съ другой — около восьмой части учащихся оставляютъ гимназіи и прогимназіи, и только одна пятидесятая часть учащихся оканчиваетъ заведенія. Обыкновенно причину такого печальнаго явленія ищутъ въ нравахъ самаго общества, въ недостаткахъ семьи, въ ея дряблости и инертности; но при этомъ забываютъ, что школа должна имѣть воспитательную задачу, а потому, если даже допустить, что общество и семья не могутъ производить здоровыхъ организмовъ, то школа, какъ больница, не должна изгонять больныхъ, не испытавъ всѣхъ средствъ лѣченія. Школа, отрицающая матеріалъ, съ которымъ приходится ей имѣть дѣло, не можетъ имѣть воспитательнаго значенія. Сверхъ этого, значительная часть учениковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не можетъ расчитывать на продолженіе курса, такъ какъ спеціальныя высшія учебныя за-

веденія закрываютъ свои двери ищущимъ образованія.

Такимъ образомъ, при 50 тысячахъ учащихся, школа выбрасываетъ ежегодно на улицу болѣе 6000 юношей, озлобленныхъ противъ общества и государства, которое имъ закрываетъ путь къ достиженію уже возникшихъ надеждъ, и преграждаетъ имъ путь къ счастью.

Какія идеи найдутъ мѣсто въ такомъ выброшенномъ членѣ нашего общества? Все, что имѣетъ цѣлью разрушить общество существующее, все что сулитъ лучшее будущее, какъ бы химерно оно ни было, все что ведетъ повидимому къ достиженію такой надежды, — все это составляетъ естественную пищу такого ума. Юношѣ, у котораго разбиты всѣ надежды на трудъ, солидарный съ обществомъ, остается надежда найти счастье въ борьбѣ съ этимъ же обществомъ. Такой матеріалъ находитъ пропаганда анархическихъ идей, и мы съ тѣмъ большимъ ужасомъ должны признать ея успѣхъ, что этотъ матеріалъ — наши собственныя дѣти, и что мы безсильны остановить ихъ на роковомъ пути.

Борьба съ разрушительными идеями была бы возможна лишь въ томъ случаѣ, когда бы общество располагало соотвѣтственными орудіями. Эти орудія: слово, печать, свобода мнѣнія и свободная наука. Въ то время, какъ анархическія идеи распространяются и тайною печатью и устною пропа-

гандой, общество лишено средствъ откровенно выражать свои мнѣнія. Общественнаго мнѣнія не существуетъ, ибо нѣтъ органа для его выраженія, нѣтъ печати, которая, руководясь не страхомъ административныхъ взысканій, грозящихъ ей, а имѣя въ виду интересъ общества, его мирное развитіе, его насущныя потребности и возможныя опасности, пробуждала бы чувства самодѣятельности, чувство самосохраненія и поддержанія основъ, на которыхъ зиждется государственный строй.

Провинціальная Россія, т. е. русскій народъ, стоитъ подъ безусловнымъ запретомъ свободы слова, и его мнѣнія высказываются лишь правительственной нашей администраціей. Само земство лишено возможности имѣть не только печатный органъ свободнаго обмѣна идей по своимъ ближайшимъ потребностямъ; оно лишено даже въ собственномъ собраніи свободы выраженія мнѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности заявлять о своихъ нуждахъ Правительству, не смотря на то, что земствомъ не могутъ руководить иныя чувства и иныя побужденія какъ желанія развитія и упроченія благосостоянія своей страны.

Происходящая отсюда безмолвность общественныхъ учрежденій уничтожаетъ ихъ силу и значеніе, дѣлаетъ ихъ неспособными къ жизни, къ дѣйствію; и тѣмъ самымъ уничтожаетъ въ ихъ отдѣльныхъ членахъ чувство гражданскихъ обязанностей, чувство гражданскаго долга. Тамъ, гдѣ общество дол-

гою историческою жизнью выработало въ себѣ такое чувство, гдѣ общество путемъ борьбы пришло къ сознанію необходимости гарантій закона, одинаково обязательныхъ для всѣхъ и во всѣхъ сферахъ государства, — тамъ свобода слова не имѣетъ того важнаго участія, какое кажется намъ безусловно необходимымъ у насъ. Тамъ до извѣстной степени замѣняетъ его, присущее всѣмъ гражданамъ чувство законности, способное противодѣйствовать всему, направленному противъ закона. Но не въ такомъ положеніи находится Русское общество. Наша исторія не могла выработать такого чувства. Испорченность нравовъ, явившаяся у насъ подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, безотвѣтственность и безконтрольность бюрократіи, безсиліе суда не позволили развиться въ прежнемъ обществѣ уваженію къ закону. Хотя реформы нынѣшняго царствованія: крестьянская, судебная и земская, внесли въ наше законодательство совершенно новыя начала, но въ жизни эти начала не получили надлежащаго развитія, ставъ въ прямое противорѣчіе съ нѣкоторыми началами стараго строя. Такъ крестьянская реформа не могла внушить обществу ни уваженія къ закону, ни вѣры въ прочность коренныхъ основъ, потому что во 1-хъ ею не былъ устраненъ прежній принципъ наложенія административныхъ наказаній безъ суда, а во 2-хъ потому, что въ кратковременный періодъ ея существованія, она подверглась

многимъ существеннымъ измѣненіямъ. Обращаясь затѣмъ къ земской реформѣ, мы признаемъ, что она могущественно способствовала подъему мѣстнаго провинціальнаго самосознанія и содѣйствовала самымъ благотворнымъ образомъ воспитанію въ насъ общественныхъ чувствъ. Но и она не могла развить въ русскомъ обществѣ чувство долга и уваженія къ закону. Наше законное право ходатайствовать обращено въ мертвую букву, а такое отношеніе къ нашимъ представленіямъ пріучило и насъ относиться спустя рукава къ серьезнымъ земскимъ вопросамъ; это тѣмъ болѣе горько что, лишенное печатнаго органа, земство не имѣетъ и другихъ условій для сношенія и обмѣна идей даже по чисто хозяйственнымъ вопросамъ. Таково положеніе русскаго общества. Не обладая чувствомъ, заставляющимъ подчиняться закону, не имѣя гарантій въ законѣ, не имѣя общественнаго мнѣнія, обуздывающаго всякія личныя, несогласныя съ общественными интересами стремленія, лишенное свободы критики возникающихъ среди его идей, — русское общество представляетъ разобщенную, инертную массу, способную поглощать все, но неспособную къ борьбѣ. Поэтому, Земство Черниговской губерніи, съ невыразимымъ огорченіемъ, констатируетъ свое полное безсиліе принять какія либо практическія мѣры къ борьбѣ со зломъ и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Правительства.

III.

Адрессъ Черниговскаго дворянства 1881 *г.*

Ваше Императорское Величество!
Всемилостивѣйшій Государь!

Дворяне Черниговской губерніи, впервые собравшись послѣ потрясающаго событія 1-го Марта, спѣшатъ выразить Вашему Императорскому Величеству чувства скорби и стыда, вызванныя въ каждомъ изъ насъ мученическою кончиною нашего возлюбленнаго Монарха. Послушные голосу долга, призывающаго насъ, съ высоты Императорскаго престола, къ нравственному обновленію нашей жизни, Черниговскіе дворяне счастливы, что могутъ первыми изъ дворянъ Имперіи выразить Вашему Императорскому Величеству благоговейную признательность за вновь высказанное дворянству довѣріе и откликнуться на тотъ призывъ, съ которымъ Ваше Императорское Величество обратились ко всѣмъ вѣрнымъ Вашимъ подданнымъ въ манифестѣ 29 Апрѣля.

Союзъ верховной власти съ землею былъ и будетъ главнымъ условіемъ могущества и преуспѣя-

нія нашего отечества; мы вѣримъ что только такой союзъ можетъ развить тѣ нравственныя силы, съ помощію которыхъ будетъ побѣждена крамола, терзающая наше отечество.

Но вѣрноподданные Черниговскіе дворяне считаютъ своимъ долгомъ не скрывать отъ Вашего Императорскаго Величества, что общія условія, въ которыхъ, въ настоящее время, находится наше отечество, неблагопріятны для развитія желаннаго общенія верховной власти съ землею. Вѣруя безусловно въ силу и истину самодержавной власти, Черниговское дворянство убѣждено, что эта истина сдѣлается осязательнѣе и очевиднѣе для всего нашего отечества, когда ты, Государь, войдешь въ непосредственное общеніе съ землею чрезъ излюбленныхъ ея людей.

Нелицемѣрно высказавъ предъ престоломъ тѣ мысли и чувства, которыя вызваны въ насъ переживаемою историческою минутою, неизмѣнно вѣрноподданные Твои Черниговскіе дворяне молятъ Всевышняго, держащаго въ рукѣ твое царственное сердце, дабы онъ сохранилъ твою драгоцѣнную жизнь и осѣнилъ твою державную мысль на благо всѣмъ намъ равно дорогаго отечества.

IV.

Выписка изъ доклада Новгородской Губернской Земской Управы Собранію 1882 г. „Объ установленіи сборовъ для усиленія продовольственныхъ средствъ.“

Новгородскій Губернаторъ отношеніемъ 25 Іюня увѣдомилъ Губернскую Управу, что онъ представилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ постановленіе Собранія 5-го Декабря 1881 г. и что графъ Толстой, въ настоящее время, увѣдомилъ его, что онъ, министръ, съ своей стороны, не можетъ не согласиться вполнѣ съ правильностію сдѣланнаго земствомъ замѣчанія о послѣдствіяхъ крестьянской безпечности въ продовольственномъ дѣлѣ; и что равнымъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что постепенное возвышеніе уровня народнаго благосостоянія, къ чему и принимаются возможныя мѣры, указываемыя земствомъ, будетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ устраненію самаго возбужденія продовольственныхъ затрудненій на значительныхъ пространствахъ. Но такъ какъ настоящее положеніе вещей не можетъ измѣниться вдругъ, и такъ какъ

въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ потребность во временной помощи для постигнутаго неурожаемъ населенія, едва ли когда упразднится совершенно, то въ распоряженіи земства должны быть всегда необходимыя, при подобныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, мѣстныя средства, въ виду же того: а) что предоставленныя земству Новгородской губерніи суммы народнаго продовольствія, представляются крайне истощенными и возвращаются заемщиками довольно медленно, будто въ случаѣ какихъ либо непредвидѣнныхъ затрудненій въ продовольственномъ отношеніи, земство поставлено будетъ въ необходимость обратиться къ содѣйствію Правительства и b) что опытъ 1880—1881 гг. показалъ, какъ быстро могутъ быть ослаблены и общія продовольственныя средства, — гр. Толстой полагаетъ, что едва ли было бы осторожно уклоняться отъ ближайшаго примѣненія тѣхъ указаній, какія для усиленія мѣстныхъ продовольственныхъ источниковъ содержатся въ дѣйствующихъ постановленіяхъ (ст. 10 вр. прав. для земск. учр. по продов. части). Къ этому, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ присовокупилъ, что, въ видахъ облегченія земства въ установленіи указанныхъ закономъ сборовъ на продовольствіе, предмѣстникомъ его, генералъ-адъютантомъ, графомъ Игнатьевымъ, сдѣлано сношеніе съ Министромъ Финансовъ относительно привлеченія къ симъ сборамъ и торговыхъ документовъ...

Губернскому собранію извѣстно, что Управа не преувеличиваетъ дурную сторону земскихъ дѣлъ, а при такомъ положеніи прибѣгать къ новымъ прямымъ обложеніямъ обывателей губерніи и тѣмъ отягощать ихъ неоплатными долгами — едва ли будетъ осторожно. Конечно, частными мѣрами для нѣкотораго исправленія положенія земской кассы, могли бы служить тѣ, о которыхъ Новгородское земство уже ходатайствовало, это: 1) возстановленіе 90 ст. уст. о зем. повин.; 2) отмѣна закона 21 Ноября 1866 г., нецѣлесообразность котораго въ настоящее время, какъ это видно изъ отношенія, отъ 25 Іюня 1882 г., признана и г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ; 3) пересмотръ правилъ 8 Февраля 1865 г. по предмету взысканія недоимокъ съ частныхъ лицъ; 4) скорѣйшее введеніе подоходнаго налога и проч. Но заботясь не о частныхъ мѣрахъ, а о коренномъ улучшеніи положенія земскихъ дѣлъ, Губ. Управа обязывается высказать слѣдующія соображенія: она вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе графа Толстаго, что настоящее положеніе вещей не можетъ измѣниться вдругъ, Губернская Управа идетъ даже далѣе и позволяетъ себѣ думать, что измѣненіе этого положенія „вдругъ", совершаемое хотя бы и сверху, силами правящихъ сферъ, а не снизу, силами поднявшагося народа, какъ мѣра одинаково революціоннаго характера, т. е. внезапная и потому ненадежная, совершенно нежелательна. Но она

убѣждена, что принятіемъ возможныхъ мѣръ, о которыхъ сообщаетъ г. Министръ, должна руководить Верховная Самодержавная власть при постоянномъ совѣщаніи съ выборными представителями отъ всѣхъ классовъ населенія. Только при такомъ общеніи Царя съ народомъ, принимаемыя мѣры потеряютъ свой революціонный характеръ, нужды населенія будутъ предусматриваться своевременно и благосостояніе народа можетъ быть обезпечено.

Въ настоящее же время, при наличности тѣхъ условій жизни, о которыхъ свидѣтельствуетъ даже самъ бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Игнатьевъ: „хищеніе и неправда царятъ во всѣхъ классахъ общества, въ администраціи столько же, сколько и въ обществѣ и проч.“, было бы, повторяемъ, совершенно неосторожно думать, что установленіе новаго налога на продовольствіе, хотя бы и при отмѣнѣ закона 21 Ноября 1866 г., можетъ принести существенную пользу, въ случаѣ наступленія исключительныхъ обстоятельствъ, въ видѣ неурожаевъ и т. п. Если нынѣ земскій сборъ, составляя лишь едва 29-ю часть всѣхъ лежащихъ на населеніи платежей, благодаря административнымъ пріемамъ чиновъ внутренней политики, поступаетъ только въ предѣлахъ 70 и менѣе %, то странно было бы расчитывать, что съ увеличеніемъ земскаго сбора, при прочихъ наличныхъ условіяхъ, можно составить хотя грошевый капиталъ на черный день.

Откроется лишь возможность (если найдутся средства пріобрѣсти книгу), какъ сказали мы выше, завести лишній счетъ недоимщиковъ — и только. Поэтому Губ. Управа, зная хорошо наличность условій жизни населенія, рекомендуетъ Собранію благодарить графа Толстаго за предложеніе предоставить земству большія средства на удовлетвореніе его насущныхъ нуждъ, за предложеніе, которымъ оно, къ сожалѣнію, не можетъ воспользоваться, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручить ей заявить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, что предстательство его предъ Государемъ Императоромъ о созывѣ возможно большаго числа выборныхъ представителей всѣхъ классовъ населенія для совѣщанія съ Верховною властью о нуждахъ Государства и въ частности каждой губерніи и области, а также для выработки иныхъ общихъ и мѣстныхъ учрежденій на началахъ, уже указанныхъ Новгородскимъ земствомъ въ пост. 11 и 12 Декабря 1881 г., и подлежащихъ еще разсмотрѣнію и соглашенію съ другими земствами и правительствомъ, будучи единственнымъ исходомъ изъ настоящихъ невыносимо-гнетущихъ условій жизни Государства и въ частности Новгородской губерніи, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и единственнымъ шагомъ на пути кореннаго рѣшенія продовольственнаго вопроса и дарованія земству запасныхъ средствъ для исключительныхъ обстоятельствъ. Это предстательство составитъ и неоцѣненную заслугу предъ оте-

чествомъ того Министра, который такъ ясно пойметъ современные недуги и искренно позаботится объ ихъ исцѣленіи путемъ постетепенныхъ „возможныхъ" мѣръ.

Эти соображенія Губ. Управа имѣетъ честь представить на усмотрѣніе Губернскаго земскаго Собранія.

V.

Выписка изъ журнала Новгородскаго губернскаго земскаго собранія.

Слушали заключеніе коммиссіи по вопросу объ установленіи сборовъ для усиленія продовольственныхъ средствъ, и вполнѣ раздѣляя доводы и соображенія, изложенныя въ докладѣ Губернской управы, Собраніе, согласно заключенія коммиссіи, признаетъ не только безполезнымъ, но и невозможнымъ осуществленіе предложенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, если оно имѣетъ цѣлью обезпечить этою мѣрою упадокъ средствъ народнаго продовольствія; тѣмъ не менѣе оно считаетъ совершенно излишнимъ, въ данное время, вновь возбуждать вопросъ и ходатайствовать объ осуществленіи тѣхъ общихъ мѣръ, которыя хотя и медленнымъ, но несомнѣнно единственно вѣрнымъ путемъ привели бы къ достиженію той же цѣли, — постановило: предложеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ установленіи сборовъ на усиленіе продовольственныхъ средствъ — отклонить.

Послѣдствіемъ этого доклада было увольненіе отъ должности предсѣдателя Новгородской губернской управы Костливцева.

Типографія П. Станкевича въ Берлинѣ, Беутъ-Штрассе 5.

Типографія П. Станкевича, Берлинъ, Беутъ-Штрассе 5.

